

**ВЛАДИСЛАВ
ВЫСТАВНОЙ**

МУЛЬТИЛЮДИ

ЗВЕЗДЫ И

ЛАБИРИНТ

Владислав Валерьевич Выставной

Мультилюди

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140583

Мультилюди: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, Харвест; Москва; 2007

ISBN 978-5-17-043108-3, 978-5-9713-5601-1, 978-5-9762-2879-5,

978-985-16-2177-0

Аннотация

Свобода – воздух, которым дышит человек.

Во имя свободы люди готовы жертвовать собственной жизнью... и сотнями, тысячами жизней чужих.

Жестоко? Да. Но есть ли иной путь в мире, где человеческое сознание насильственно объединяется в структуру, а по пятам преступников-«одиночек», ухитрившихся уклониться от «структурирования», следуют охотники, посланные, чтобы вернуть «врагов общества» назад?

Есть ли иной выход в осатаневшем от сытости и скуки буржуазном мире, где молодежь объединяется то в террористические группировки «истребителей магии», то в оккультные кланы, приносящие человеческие жертвоприношения при помощи детских игрушек, то в секту апостолов нового Мессии – диджея, проводящего «молчаливые» дискотеки?

Свобода – это рай?

А может быть – ад?

Каждый из обитателей антиутопий Владислава Выставного найдет на этот вопрос собственный ответ...

Содержание

Выбор точки отсчета	5
1. ГРАФОФОБИЯ	12
2. МУЛЬТИЛЮДИ	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Владислав Выставной

Мультилюди

Выбор точки отсчета (вместо пролога)

Вначале был микрокалькулятор.

Потом персональный компьютер.

Затем сотовый телефон.

Что появится следом?

Именно то, чего меньше всего ждут.

Человек быстро привыкает к чуду. Уже несколько лет мы сидим на мобильной связи, словно на сильнодействующем наркотики.

Вы посмотрели «Матрицу»?

Вы читали книгу о Диптауне?

Вы регулярно смотрите новости?

Значит, вы послушно идете к тому, чтобы принять наступающую действительность как должное. Может быть, даже со вздохом облегчения – ведь могло быть еще хуже...

Моя любимая книга «Мартин Иден», мой любимый фильм – «Бойцовский клуб».

Но что толку в гоноре, собственном мнении и протесте, если и ваш гонор, и ваше мнение, и даже ваш протест – это всего лишь комбинация впитанной чувствами информации?

Есть только один способ остаться самим собой.

Создать собственный мир.

Ведь все, что мне для этого нужно, – бумага и ручка.

Впрочем, тут я лукавлю. Я неплохо вооружен.

У меня есть ноутбук.

«... Именно так я и представлял себе места обитания Джека Потрошителя. Заваленный мусором двор, красный кирпич, торчащий на углах из-под осыпавшейся штукатурки, словно мышцы на анатомическом манекене, вонючий подъезд, грязная лестница и вздутая болезненными ромбами дерматиновая дверь.

Либида позвонил. Видимо, он уже успел договориться о встрече, так как дверь немедленно открылась.

На пороге стоял Потрошитель.

Если бы это был огромный волосатый дядька с тесаком в руке и в цилиндре, мне бы не было так страшно.

Но представший перед нами эдакий «юноша страстный со взором горящим» был похож скорее на узника концентрационного лагеря, настолько был тощ и бледен. Неприятным контрастом выделялись огромные лошадиные зубы, обнаженные в улыбке с претензией на приветливую. Довершали образ жидкие волосы, колоссальной мощности очки и

грязный белый халат с закатанными по локоть рукавами. В жилистой руке Потрошитель сжимал паяльник. Он быстро оглядел пришедших и сразу же впился взглядом в меня.

– Заходите, я быстро.

Первым зашел Либи́до, следом Тварь, а затем я, подталкиваемый в спину Свином. В темном коридоре были навалены горы хлама, так что продвигаться приходилось с осторожностью. Осторожность не помогла, и где-то за спиной в сопровождении жестяного гула смачно грохнулось что-то тяжелое.

Впрочем, никто не обратил на это внимания.

– П-посидите на кухне, я сейчас, – донеслось из дальней комнаты, и жилистые руки Либи́до утащили меня куда-то вправо.

Но в комнату я заглянуть успел. Прямо по центру на дражном паркете громоздилась конструкция, напоминавшая конструктор «Лего», где в качестве деталей использовались компьютерные системные блоки.

В квартире стоял тяжелый холостяцкий запах, наводящий на мысль о том, что здесь любят курить и не любят мыться.

На кухне нашлось только две табуретки, и Либи́до, не раздумывая, сел на разделочный стол. Тварь дернулась было остановить его – стол не блистал чистотой, – но тут же махнула рукой и села на табуретку.

– А почему он – Потрошитель? – спросил я.

– Любит всяческую аппаратуру потрошить. Что-то вроде мании, – улыбнулась Тварь.

– А, – облегченно вздохнул я.

– Ага, и мозги потрошить он тоже любит, – спокойно добавил Либи́до и взглянул на часы. – Эй, мы опаздываем!

Последнее было адресовано Потрошителю.

– Так он что... – начал было я, но Либи́до меня прервал:

– Он нейрохирург. Один из лучших. Каждый день в своей клинике он вживляет сотню чипов подросткам при получении паспорта. Это давно уже что-то вроде косметической операции. Такая предстоит и тебе. Как мы и говорили...

– Но я...

– Не бойся, он мастер – высший класс. Это не больно.

– Да уж... Я не о том. Я совершенно не знаю, что мне после этого делать...

– Не беспокойся, необходимые навыки ты получишь по нейроканалу в течение пяти минут. И потом – мы будем тебя страховать...

– Стойте... Но ведь, как я понимаю, это будет незнакомый вам нейрочип. Это же чип териков...

Либи́до и Тварь переглянулись.

– Ну... – судорожно вздохнул Либи́до, – затем и нужен не рядовой нейрохирург, а именно Потрошитель. Поверь, он уже дрожит от нетерпения...

– Я вам что – подопытная крыса?! А если у него ничего не получится?

– Это маловероятно. Он уже имел дело с чипами териков. Разве что это – совершенно новая конструкция...

– А можно этот чип вначале изучить, а уж потом пихать мне в мозги?

– А вот этого, дорогой Эго, к сожалению, нельзя. – Либиδο покачал головой. – Терроструктура не должна заметить выпадения своей частицы даже на минуту. Точнее – примерно на три минуты. Столько времени у нас на то, чтобы заменить этого...

– Саида? – мрачно подсказал я.

– Да. Чтобы заменить Саида тобой. Еще час – на то, чтобы адаптироваться в Терроструктуре, найти проги и скачать их. А дальше – два варианта. Либо чип попросту удаляется из-под кожи на твоей голове и выкидывается, либо заменяется на общегражданский. Но заметь, специально для тебя, по дружбе – с дополнительными опциями. Сможешь, например, бесплатно пользоваться любой связью, получишь доступ в некоторые закрытые базы данных, а главное – самопополняемый счет. Типа скатерти-самобранки! Не слишком крутой, но прожить сможешь безбедно. Как тебе, а? Даже у нас такого нет – свежая разработка Потрошителя, для избранных! Вот мультисервером тебя сделать нельзя – не хватит навыков, засыплешься...

– Спасибо, конечно, – хмуро ответил я, – но я предпочитаю старые добрые мозги.

– Да успокойся, что это за варварство – «мозги»? Никто череп тебе долбить не собирается. Прикрепят на кость – и всего-то дел...

– Да знаю я... Все равно неприятно...

Честно говоря, я несколько кривил душой. Последнее время я стал чувствовать себя каким-то неполноценным, почти калекой в современном мире. Все мое мировоззрение изменилось и встало с ног на голову. Да и по вокзалам с помойками, честно говоря, скитаться надоело. Надо просто преодолеть свою фобию...

Только поможет ли это мне сейчас? Неизвестно, в каких картотеках значится теперь почти забытый мной Сергей Галич. Все больше и больше я отождествлял себя с бездомным беглецом по имени Эго.

– Я готов. Едем?

В нелепом пальто и ушастой кепке Потрошитель был похож на плененного гитлеровского ученого, из тех, что ставили некогда опыты на людях. Впрочем, это было недалеко от истины, и возникающие перед моим внутренним взглядом картины выглядели жутковато.

Однако времени на копание в исторических аналогиях не было.

Потрошитель пошептался о чем-то с Либи́до и искоса посмотрел на меня. Тварь успокаивающе погладила меня по плечу. От этого мне почему-то стало еще страшнее.

Потрошитель что-то достал из сумки и подошел ко мне с протянутой для рукопожатия рукой.

– А-а... Алексей, – слегка заикаясь, представился он. У него оказался на удивление низкий голос.

Я пожал протянутую руку. Не долго думая Потрошитель сжал мою ладонь сильнее и ловко скатал на ней рукав свитера выше локтя. Между пальцами левой руки у него был зажат шприц.

Я метнул настороженный взгляд на Тварь, потом на Либидо.

– Так надо, – успокаивающе сказала Тварь. Она продолжала гладить меня по плечу.

– Т-транквилизатор, – пояснил Потрошитель, втыкая иголку мне в вену.

Вы никогда не замечали, что, если читать книгу не сначала, а, скажем, с середины, получится совершенно другая история?

И вы правы в своих наблюдениях. Но что делать, если в истории причина и следствие то и дело меняются местами?

Следует выбрать точку отсчета и считать началом истории ее.

Итак, я кидаю монетку...»

1. ГРАФОФОБИЯ

– Если существует графомания, то почему бы не допустить, что в противоположность существует и графофобия? – задумчиво произнес графоман.

– Не знаю, не знаю. Разве допустить, что графофобия – это боязнь графов, – ответил Дракула и подтащил графомана поближе.

1

Дочура была в слезах. На тетрадном листке, исписанном мелким девчачьим почерком, алела единица. Больше ничего. Никаких исправлений, никаких пометок и возмущенных замечаний на полях.

Только страшный ивано-грозненский «кол».

– Э-э-э... Почему? – хрипло спросил Олег, пытаясь встать с кресла. На голову тут же обрушилась кувалда. Он застонал и осел назад. Правильно он все же сделал, что не пошел вчера на работу. До сих пор не оклемался... Как это можно было – так назюзиться в одиночку? Кошмар...

– Не знаю, папа! – Дочура не то говорила, не то рыдала, возмущенно хлюпая носом. – Я переписала все слово в слово! Что ты там такого понапридумывал?!

– А ты что, ик... не читала? – смачно икнув, спросил Олег.

– Да-а! А у меня время было? Ты даже дверь утром открыть толком не мог, не то что объяснить! Хорошо хоть распечатать догадался... Хотя чего хорошего! Кстати, тебя к директору вызывают...

– По поводу? – не поверил Олег.

– Я думаю, по поводу моего... твоего сочинения... Его в горно, говорят, прочитали и...

– Ну и что? – слабо спросил Олег, пытаясь вспомнить, что же он такого написал любимой дочуре.

– Не знаю, пап, не знаю. Один-единственный раз попросила тебя помочь! Спасибо, спасибо тебе большое-пребольшое! – язвительно завершила дочка и ушла страдать в свою комнату.

«Что же я там такое написал?» – напрягал память Олег и вдруг с ужасом начал что-то припоминать...

...Любите ли вы возвращаться домой? «Что за глупый вопрос?» – пожмете вы плечами. Ой, не скажите! Вот, к примеру, если дома вас ждет груда грязной посуды, пыльные ковры и огромный мешок с мусором и пустыми бутылками – а завтра приезжает теща?

Ладно, допустим, с тещей у вас все в порядке, что само по себе не может не вызвать восхищения и зависти. Но, скажем, вас впервые в порыве начальственного благодушия отправили в заграникомандировку в Ниццу, где вы не столько работали, сколько наслаждались великолепным сервисом отеля

и прочими приятными буржуазными излишествами; и вот по дороге из аэропорта вы постепенно осознаете, что следующую ночь вы проведете в своей комнате, что снимаете из последних сил у полоумной хозяйки, а за тонкими стенами всю ночь будут орать и бить посуду пьяные соседи или же упорно и шумно трахаться за другой стеной – а скорее всего в эту ночь будет и то и другое, – и к этим звукам добавится истошный крик младенца из-за третьей стенки...

Нет, мы не убедили вас? Ну тогда представьте, что от прекрасной, горячей и веселой любовницы вы едете домой к сварливой, вечно недовольной, да еще и к чудовищно растолстевшей жене, придумывая по пути оправдания и легенды в страхе очередного скандала...

Чего вы побледнели? Простите, мы вовсе не думали пугать вас, просто хотели сказать, что далеко не всегда возвращаться домой приятно.

Примерно такие же чувства испытывал Олег, когда рулил домой на своей «ладе», пробивая капотом и лобовым стеклом тесный тоннель в густом водяном мареве.

Ужасно не хотелось выходить из сухого и светлого офиса с комнатой отдыха, в которой полно приятных вещей вроде кофеварочного аппарата, отнюдь не пустого холодильника, телевизора и диванчика, – выходить под сплошной поток небесной воды, рискуя при первом же шаге быть убитым молнией или смытым холодным горным потоком.

Но еще меньше хотелось выполнять обещание, данное

дочке накануне по простоте душевной. А обещано им было ни много ни мало как написать школьное сочинение. И если в момент совершения этого легкомысленного поступка все казалось легким и приятным, то теперь предстоящий процесс представлялся попросту в кошмарном свете.

Самое ужасное, что отвертеться уже никак невозможно: дочка у подружки на даче, связи никакой из-за погоды... Да и разве дело в этом? Он обещал... И вся дочкина надежда только на него... М-да.

Вот ведь черт! Как это он так легко поддался на уговоры? И сколько в ее глазах было надежды... Нужна ведь только пятерка. А сдавать работу ей уже завтра – сами понимаете, тянул до последнего... Вырастил халявщицу, понимаешь...

«Дворники» отчаянно гребли в набегаящих волнах, но толку от них было мало.

Хотелось только одного: спать. Спать, чтобы тебе пели колыбельную песенку и мягко покачивали, мягко покачивали...

Оп-па! Похоже, что он отключился прямо за рулем. А машину и вправду заметно покачивало. Ветер нагонял настоящие волны, что нагло перекатывались через капот, внушая ужас того, что сейчас зальет свечи и двигатель сдохнет прямо посреди этого мрачного района, где во всех домах, судя по всему, вышибло свет...

Только огромный светящийся рекламный плакат какого-то оператора сотовой связи, на котором мерцало слово

«ПРИСОЕДИНЯЙСЯ!», словно маяк, указывал дорогу.

Буквально доплыв до дома, Олег открыл дверцу и высунул наружу руку с зонтом-автоматом. Зонт распахнулся и тут же был вывернут наизнанку порывом ветра...

В подъезд он вошел совершенно мокрый. В смысле – насквозь. Из рукавов и штанин беспомощно текло, глаза заливали подлые струйки.

Войдя в квартиру, Олег первым делом распахнул принесенный с собой лоснящийся от воды кейс. В кейсе лежал ноутбук и был он – о чудо! – сух, как попка младенца, который благоразумно предпочитает памперсы.

Это обстоятельство несколько прибавило Олегу оптимизма и он, насвистывая, полез под горячий душ.

Вот ведь удивительное дело: душ – это тот же дождь, однако не в пример куда более приятный! Олег долго рычал и отфыркивался в клубах горячего пара. Наконец, насвистывая, он вышел из ванной. Его благодушный взгляд описал полукруг и замер на стоящем на столе ноутбуке.

Улыбка сползла с лица Олега. Впереди было проклятое сочинение.

Он еще пытался оттянуть предстоящее, готовя себе бутерброд с кофе и тупо пялясь в телевизор. Телевизор нес невнятную звуковую кашу, понять которую Олег был уже не в силах.

...Вздохнув, он открыл ноутбук и нажал кнопку сети.

От чего он себя избавит, так это от писанины авторучкой.

Нет, это просто представить себе страшно – писать от руки! Недавно ему пришлось написать какую-то записку – ощущение непередаваемое: то ли он снова попал во второй класс, то ли попросту полгода продержал руку в гипсе.

«Виндоус» пропел свои фанфары, и Олег в состоянии обреченной задумчивости склонился над клавиатурой.

Тема сочинения была достаточно проста. Проста хотя бы тем, что не требовала изучения дополнительных текстов. И в то же время она была пугающе абстрактной.

«Образ положительного героя в экстремальной ситуации». М-да... Решившись вернуться в чудесные школьные годы, он, пожалуй, несколько подзабыл это ощущение тоскливой беспомощности перед чистым тетрадным листком, на котором в скором времени с неизбежностью заалееет трояк либо же в редких случаях – четверка. Пятерок за сочинение Олег, пожалуй, не получал. Впрочем, как и пар. Он был довольно средним учеником, что тем не менее не мешало ему впоследствии бодро и уверенно шагать по жизни (что и требовалось доказать, дорогие учителя!).

Итак, положительный герой в экстремальных ситуациях.

Возникает резонный вопрос: что это может быть за положительный герой?

Сразу же надо абстрагироваться от литературы, рассуждал Олег. Ни фи́га из школьной программы он толком не помнит. Онегины, Ленские и прочие Безуховы не для него.

Брать конкретную личность из нынешней жизни? Из га-

зет? Из телепередач? Кого? Успешный предприниматель... Пошло. Да и какой он, к черту, положительный герой? Все капиталы нажиты каким путем? То-то и оно...

Артисты? Боже упаси... Журналисты? Ой, не смешите... Образ честного журналиста... Хотя оставим на крайний случай...

Про войну и горячие точки писать он не будет хотя бы потому, что до сих пор с трудом верится, что от этой самой армии так удачно удалось в свое время «откосить». Короче, с его стороны тема пороха и пулевых ранений граничит с позором.

Взять какого-нибудь работягу? Простой парень, все делает своими руками... Честный такой... Белобрысый... С признаками идиотизма на лице... А что он знает об этих «простых» парнях? Только то, как они водку жрут? Тьфу!

Ничего не лезет в голову... А если поставить вопрос так: что хотят услышать от дочери учителя? Педагоги, идеологи наши?..

Так, теплее!

Кто у нас самый положительный, самый добрый, мудрый, справедливый и бескорыстный? Ну?

Конечно же, президент! Вот оно!

А чем вам не положительный герой? И пусть там кто-нибудь вякнет, что президент у нас – не герой и не положительный! Хе-хе-хе! Уже веселее, так мы быстренько кашу сварим... Про президента мы все знаем, нам это славненько

ежедневно объясняют. А для непонятливых повторяют...

Итак, положительный герой – президент – в экстремальной ситуации.

Упс! Хе-хе... И какую же экстремальную ситуацию замутить, чтобы президент наш сумел бодро выйти сухим из воды под бурные и продолжительные аплодисменты?

За окном сверкнуло и грохнуло. Олег вдруг как-то уютно и приятно осознал, что нет повода не хряпнуть граммов пятьдесят коньячку для сугрева после пробежки под дождем, да и для раскрепощения творческой мысли.

Коньячок неплохо пошел под лимончик, половинка которого весьма кстати завалилась на полке холодильника. В голове раздался приятный звон, мысли прояснились.

«А что, президент у нас вполне... Вполне экстремальный президент у нас... Вон на истребителях летает, на подлодках погружается... Надо бы в этом направлении развить...»

В голову полезли неясные абстрактные картины, в которых президент катапультировался из обстрелянного боевиками самолета и с аквалангом покидал затонувшую субмарину через торпедный аппарат. При этом он героически помогал всплывать на поверхность морякам в черных пилотках, что деликатно отказывались от предложенного им президентом загубника с воздушной смесью.

«Тьфу, ерунда какая, – тряс головой Олег, подливая в рюмку коньяку. Лимончик закончился, и Олег занюхал коньяк кусочком голландского сыра. – Надо бы что-то более

отвлеченное... Поменьше политики, побольше личностных качеств, позитивных поступков...»

Но в голову упорно лезли истребители и подводные лодки. Они чередовались с образом президента, меряющего космический скафандр и кидающего хитрым приемом через плечо астронавта с надписью «NASA» на рукаве. Все аплодировали, NASAвец, сдаваясь, колотил рукой ковер.

«Поехали», – хрипло бормотал Олег и доливал в стакан остатки из бутылки. Коньяка больше не было, но где-то стояла початая бутылка «георгиевской»...

2

...Дитя шумно возилось в своей комнате, демонстрируя недовольство и протест.

Он, кряхтя, добрался до стола, за которым дочка переписывала сочинение с распечатки, нашел скрепленные степлером листки и принялся читать.

И волосы на его голове встали дыбом.

«Сочинение на тему: „Образ положительного героя в экстремальной ситуации“.

Наш народ не может жить без героев. Герои ему нужны как воздух. И герои эти должны быть положительными.

Но еще больше нашим людям нужен Главный положительный герой. Наш Главный положительный герой избирается у нас всеобщим прямым тайным голосованием.

Конечно же, это президент.

В своем сочинении я хочу рассказать о том, что для нашего президента не бывает экстремальных ситуаций, из которых бы он не вышел с честью. Все мы знаем, как он преодолевает трудности на глазах народа и всего мира. А как бы он справился с необычными экстремальными ситуациями? Давайте представим себе...

Притча о вице-президенте

Это было давным-давно, когда Президент еще не был Президентом, но очень хотел стать им. Вопреки советам окружения, Президент (будем его звать так – сейчас и всегда) отправился далеко-далеко, в горы, к своему наставнику по кунг-фу, старому Джао Ли.

Джао Ли жил неподалеку от Шао-Линьского монастыря, где обосновался со времен службы в китайской контрразведке, в которой курировал единоборства. Некогда соратник великого Мао, он был сослан за своемыслие и навсегда отлучен от всех пекинских должностей. Тем не менее он продолжал пользоваться особым уважением некоторых чинов советских спецслужб, которые считали своим долгом отдавать ему в обучение лучшие кадры государственной безопасности.

Но это тема отдельного сочинения.

Вернемся к нашему Президенту, что поднимается сейчас по крутому склону к маленькой пагоде на вершине непри-

ступной скалы.

Нашему герою нужен совет перед испытаниями, которые ждут его на родине.

Старый Джсао Ли сидит на циновке, лежащей на плоской каменной плите. Над ним на четырех столбах традиционно изогнутая китайская крыша.

– Здравствуй, учитель, – говорит тот, кто хочет стать Президентом.

– Здравствуй, ученик, – отвечает старый Джсао Ли.

– В Союзе была перестройка, – говорит Президент.

– Да что ты говоришь! – грустно улыбается старик и захлопывает стоящий перед ним ноутбук.

– Я хочу... – начинает Президент, но учитель обрывает его:

– Я знаю, чего ты хочешь, нетерпеливый ученик, я все про тебя знаю. Я помогу тебе стать главой великого государства. Но для этого ты должен выполнить одно условие.

– Какое, учитель? – смиренно спрашивает ученик.

– Ты должен победить того, кто тоже хочет стать хозяином твоей страны.

– Как? – спокойно спрашивает Президент, уверенный, что речь идет о победе на выборах.

– Просто. Убей его! Он сзади! – страшно кричит Джсао Ли.

Президент мгновенно разворачивается и молниеносно наносит несколько смертельных ударов в голову, шею и торс

стоящей сзади фигуре. И падает на землю, корчась от боли.

Над ним возвышается мраморная статуя Мао.

— Нельзя убить того, кто бессмертен, — назидательно говорит старик.

— Но... как... вас... понять... учитель? — задыхаясь и утирая слезы, спрашивает ученик. Его разбитые руки дрожат, ноги подгибаются от боли.

— Ты хочешь того, достичь чего бесконечно трудно. Поэтому тебе нужна бесконечная сила. А за бесконечную силу требуется бесконечная расплата... Ты проиграл и должен умереть...

Учитель легко привстает на циновке и становится в боевую стойку. Президент быстро прикидывает свои шансы в схватке, затраты на поездку и предстоящую предвыборную кампанию.

— Учитель, стойте! — восклицает Президент.

— Чего еще? — спрашивает учитель, готовясь нанести серию ударов в усовершенствованном «стиле богомола» в глаз, ключицу, переносицу и сердце.

— Для бессмертного я и так мертв, — принимается рассуждать Президент, хорошо усвоивший курс прикладной логики в своем вузе. — А желание победителя — закон.

— Что ты хочешь этим сказать? — подозрительно спрашивает учитель, ловко меняя стойку для серии ударов в стиле «пьяной обезьяны» в коленную чашечку, висок, пах и солнечное сплетение.

— Пусть Великий Кормчий правит моей страной. Я назначу его вице-президентом. В случае моей смерти президентом станет он.

Джао Ли на секунду замирает и вдруг принимается лаяюще хохотать.

Президент не зря проходил в своем вузе курс прикладного юмора.

— Договорились! — потирая руки, вскрикивает старик. — И в знак примирения ты пронесешь Великого Мао на своей спине семь кругов вокруг моей беседки. За это время я обдумаю совет, который дам тебе для достижения твоей цели.

Президент со стоном взваливает на себя полутонную статую и отправляется выполнять приказ учителя. Старый Джао Ли сосредоточенно выводит иероглифы на рисовой бумаге...

Так Президент, преодолев трудности и лишения и выпутавшись из непростой ситуации, получил бесценные наставления от мудрого Джао Ли и в результате стал Президентом.

И теперь в одном из кабинетов Кремля стоит мраморная статуя Великого Кормчего, что секретным указом назначена вице-президентом и официальным преемником Президента.

Таким образом, подводя итог настоящего сочинения, можно сделать вывод о том, что Президент является ярчайшим примером положительного героя, что, по моему мнению, должно найти должное отражение в современной худо-

жественной литературе».

* * *

Внизу листка отпечатался коричневый след от рюмки.

Олег сел на пол.

Не может быть, чтобы это написал он! Даже упившись вдрабадан, даже в кошмарном бреду не мог! Что еще за мифический старикан?! Что за гонконгский боевик в исполнении больного воображения Квентина Тарантино? С чего все это?!

На нетвердых ногах Олег направился к холодильнику и достал бутылку пива. Пригубив терпкой шипучей жидкости, Олег стал потихоньку приходить в себя.

А чего это он, собственно? В конце концов, подумаешь! Что за беда? Ну влили дочуре «кол» – а с кем не бывает? Ну виноват он, да – что зря оправдываться? Купить что-нибудь мелкой в конце концов, чтобы успокоилась... Ну написал полнейший бред... Хотя, если подумать, не такой уж и бред. Достаточно забавно получилось. Встретить он этот текст где-нибудь в газете, он прочел бы его с удовольствием, посмеялся бы даже. Так что с директором школы насчет единицы можно будет поспорить.

Олег тихо рассмеялся. Ей-богу, забавно! Какие, оказывается, вещи он может исполнять в бессознательном состоянии! Даже как-то приятно преподнести себе такой сюр-

приз, черт возьми... Сто процентов – виноват просмотренный недавно в кинотеатре триллер...

Настроение стало улучшаться.

Завтра на работу все равно не идти – так или иначе придется брать больничный. Так что можно расслабиться, утешая себя хотя бы тем, что больше дочка не будет приставать с подобными просьбами. Хотя, если смотреть правде в глаза, это как-то... эгоистично, что ли?..

Он еще раз перечитал сочинение, хихикая и похрюкивая. Потом направился на кухню и соорудил конструкцию из хлеба, колбасы и сыра, которую, насвистывая, запихнул в микроволновку, и приступил к приготовлению кофе.

Этот день он решил посвятить просмотру на видео старых добрых советских фильмов. Куча видеокассет с рязановскими и гайдаевскими комедиями давно уже не могла дожидаться своего часа. И вот теперь он сидел в кресле с гигантским бутербродом в одной руке, чашкой кофе в другой. Когда на экране появился Шурик, разгоняющий машину времени, зазвенел телефон.

Олег с трудом дотянулся до трубки.

– Я занят, позвоните попозже. – Непроизвольно Олег заговорил киноафоризмами.

– Олег Анатольевич? – поинтересовался в трубке вежливый мужской голос. Заявление Олега, видимо, его ничуть не смутило.

– Он самый...

– Это вас из федеральной службы безопасности беспокоят. Нам нужно побеседовать с вами. Когда вам удобно было бы подойти к нам?

К горлу подступил комок. Слова отказывались лезть наружу.

– Э-э-э... А по какому поводу?

– Мы все вам объясним. Это ненадолго. Ответите на пару вопросов...

– Э-э-э. Завтра в два... Нормально?

– Хорошо, завтра в четырнадцать ноль-ноль в нашем здании. Знаете, где это?

– Конечно...

– Спросите Петра Евгеньевича, кабинет пятьсот третий. Запомните? Хорошо, я вас жду...

Олег еще долго сидел с трубкой, прижатой к груди, пытаясь разобраться в собственных чувствах. С чего это вдруг им заинтересовались органы? Вроде бы ни с каким криминалом он не связан.

Сознание отказывалось думать, что звонок как-то связан с дочкиным сочинением. Это было бы попросту полнейшей чепухой. Но отогнать эти подозрения было невозможно.

«Выучили вас на свою голову! – возмущенно голосила с экрана Крачковская. – Облысели все!»

Из своей комнаты вышла мелкая. Она что-то надменно жевала, в ушах торчали «вкладыши» плеера.

– Да, папа, когда я была у директора, про тебя какой-то

дядечка спрашивал. Кем работаешь, почему с мамой развелся и все такое... Не понравился мне он... Директор перед ним прям на цыпочках бегал... А кто звонил?

– Дядечка. Какой-то... – промямлил Олег, стараясь не смотреть на мелкую. Выключил видеомэгнитофон.

Настроение было безнадежно испорчено.

3

В здание его пустили только на порог. Приказали ждать. Дежурный позвонил куда-то и о чем-то тихо переговорил. Настолько тихо, что Олег не услышал ни слова. После этого ему предложили пройти в какую-то комнату, вход в которую располагался прямо перед турникетом. В маленькой комнатке со школьными деревянными стульями сидели еще несколько человек с потерянными и испуганными взглядами. Какой взгляд у него самого – испуганный или же просто потерянный, – Олег так и не понял, потому что в комнату вошел подтянутый молодой человек и без тени сомнения на лице кивнул именно ему: за мной, мол.

Они перешли в аналогичную комнатку, что располагалась рядом, но была пуста. В смысле, в ней было два стула и стол, но от этого комнатка казалась еще более пустой, а белый пластик отделки придавал интерьеру особенно тоскливый вид.

– Ну что, Олег Анатольевич, приступим, – не глядя на него, сказал молодой человек. Он раскладывал перед собой

какие-то бумажки, извлеченные из строгого, но при этом роскошного портфеля. Молодой человек не был похож на работника спецслужб, как их себе представлял Олег. Скорее он походил на дипломата.

– Э-э-э... Петр Евгеньевич? – как-то фальшиво-заискивающе поинтересовался Олег. И сам себя одернул – чего это он расшаркивается неизвестно перед кем? В чем он, собственно, провинился? Надо бы держать себя поувереннее.

– Нет, Петр Евгеньевич с вами просто связался по нашей просьбе. Я из другой структуры. Меня зовут Владимир Сергеевич, служба безопасности президента. Давайте сразу к делу. Это вы писали?

Молодой человек пододвинул ему под нос листок со знакомыми каракулями и единицей. Это была ксерокопия.

– Ну...

– Да, это сочинение вашей дочери. Но текст написан явно не ею. Так это вы писали?

– Я...

– Хорошо, что не отпираетесь. Откуда у вас информация?

– К... к-какая информация? – не поверил своим ушам Олег.

– Не прикидывайтесь, Олег Анатольевич. Откуда у вас сведения, изложенные в этом сочинении? Это первый вопрос. Второй я задам сразу же: какие цели вы преследовали, изложив эту информацию в школьном сочинении своей дочери?

– Я не понимаю, о чем вы говорите! – воскликнул Олег. – Какая информация?! Я сам придумал все это, я... я...

Олег вдруг почувствовал, что ему не хватает слов. Владимир Сергеевич с интересом наблюдал за ним. Он был уверен, что Олег ломает комедию.

– Нет, ну я правда все это придумал! Даже напился, чтобы фантазию развязать... А что здесь можно назвать информацией?

Лицо молодого человека помрачнело.

– Откуда у вас сведения об этой поездке президента в Китай? – железным голосом спросил молодой человек и склонился над столом, приблизив лицо к Олегу. – И откуда вам стало известно про статую?

Перед глазами Олега все поплыло...

– Может, валидолу? – вежливо предложил Владимир Сергеевич и, выдержав паузу, продолжил более мягко: – Я допускаю – то, что вам известно, известно только на уровне слухов. Я даже допускаю, что вы не придали значения данной информации. Тем более что Джао Ли вовсе не Джао Ли, а статуя... Впрочем, не важно. Я допускаю – то, что вы написали об этом в школьном сочинении дочери, тоже всего лишь результат вашего легкомыслия. Нас интересует только источник.

– Поверьте, я сам все это выдумал! – прижав руки к груди, воскликнул Олег. Его голос как нарочно звучал фальшиво и неубедительно. Мимика наверняка выдавала в нем неуме-

лого вруна.

– Вы не понимаете своего положения, – устало сказал молодой человек, откидываясь на спинку стула. – У меня есть все полномочия изолировать вас и начать закрытый судебный процесс. А может, и просто изолировать, без всякого процесса. Подумайте о дочери.

– Но ведь это бред! – воскликнул Олег.

– Что – бред? – напрягся молодой человек.

– Все эти подозрения – бред!

– Так разубедите меня в том, что вы виновны в умышленном разглашении государственной тайны, что случайно распространили информацию, которую восприняли как слух. Поймите, у вас отсюда только два пути: в эту дверь или в ту.

Только сейчас Олег заметил, что в комнате было две двери. Через одну он вошел, а другая вела в глубь здания, явно минуя турникет. Над ней висела миниатюрная камера наблюдения.

Олег был в отчаянии. Этот тип, по-видимому, стопроцентно был убежден в собственной идиотской идее. Разубедить его Олегу не под силу. А идти в ТУ дверь чудовищно не хотелось. Оттуда он скорее всего выйдет не скоро.

И Олег решил на блеф.

– Ладно. Скажу. Только я помню все это весьма смутно...

– Ничего страшного, – оживился Владимир Сергеевич. При этом он и не подумал хвататься за ручку и бумагу, а просто уселся поудобнее и приготовился слушать. Очевид-

но, разговор записывался на диктофон.

Олег вздохнул и начал свой рассказ:

– Недели три назад я ездил по служебным делам в Новосибирск. Туда летел самолетом, а назад пришлось ехать поездом. Мало того, какие-то проблемы были с билетами, и мне досталось место в плацкартном вагоне, да еще и в отделении прямо рядом с туалетом.

И вот лежу я на верхней полке и слышу крик, гам, шум какой-то. Глянул вниз: целая орава, то ли вьетнамцев, то ли китайцев – не очень-то я их различаю – с огромными баулами протискивается в вагон. Через меня на верхние полки летят невероятно раздутые сумки. Зрелище фантастическое – маленькие вьетнамцы шустро жонглируют сумками, которые в три раза больше них самих.

Присутствие рядом вьетнамских «челноков» оказалось на редкость раздражающим фактором. Они никак не могли усидеть на месте, постоянно вскакивали, бегали, рылись в сумках, а главное – непрерывно бормотали что-то быстрое и непонятное на своем странном языке.

Уснуть никак не получалось. В вагоне выключили свет, оставив только тусклые желтые лампочки. Вьетнамцы постепенно притихли, как попугайчики в клетке, накрытой покрывалом.

Под перестук колес я незаметно отключился.

Внезапно что-то заставило меня проснуться. Сердце испуганно билось, одолевала непонятная тревога. Что-то в окру-

жающей обстановке настораживало.

Наконец я с ужасом понял что.

На багажной полке прямо надо мной что-то тихо, но явно шуршало. То, что там были только вьетнамские баулы, — это я помнил точно. И в одном из них теперь копошилось что-то живое.

Ощущение было неприятное, но все же терпимое. Однако о том, чтобы заснуть, не могло быть и речи. Я слез с полки, с трудом попав ногами в тапки, и побрел в туалет. Вьетнамцы занимали полвагона, сидя на полках по двое, по трое. Остальное пространство было забито сумками с барахлом.

Скача на железном унитазах, я с тоской думал о том, что мог бы сейчас спокойно спать дома, будь администратор по-расторопнее с заказом авиабилетов.

Идти в душный вагон не хотелось, и я долго стоял и курил у раскрытой форточки напротив туалетной двери. Холодный ветер несколько разбавлял тяжелую плацкартную атмосферу.

И тут я слышу в своем купе (если можно так сказать про четырехместный бокс в плацкартном вагоне) такое тоскливое кряхтение, как будто кто-то очень хочет, но никак не может уснуть.

Соседу не спится, понял я.

Что он бормотал, понятно было не очень. Тем более что говорил он тихо, будто бубнил сквозь сон. Сначала он просто жаловался на жизнь, а потом вдруг заговорил о том, что во

всем виноваты власть имущие, что из-за них он, человек с высшим образованием, вынужден зарабатывать себе на хлеб как придется.

Потом он стал жаловаться на китайцев, которые почему-то невзлюбили вьетнамцев. В семидесятых весь мир прыгал вокруг Вьетнама, все решалось там. А теперь никто не спросит вьетнамца, что тот думает о судьбах мира. А вот воюющего китайца – того спросят...

И рассказал далее примерно то, что изложено вольным пересказом в дочкином сочинении.

Последние слова своего рассказа он произносил совершенно проснувшимся голосом. Потом вдруг осекся и замолчал.

Я постоял у форточки еще немного, ожидая продолжения забавного рассказа, сдобренного весьма уместным акцентом и манерой речи.

Однако продолжения не последовало, и я заглянул в свое купе, чтобы увидеть рассказчика.

Купе оказалось пустым.

Я не поверил своим глазам. Выкинув в окошко недокуренную сигарету, я встал между полками и огляделся. Пусто. Одни баулы. Во всех соседних купе, насколько позволял видеть тусклый свет, спали. По коридору тоже никто не проходил.

Леденея от ужаса догадки, я встал на нижнюю полку и, потянувшись, глянул в щель полураскрытой молнии баула,

лежавшего на багажной полке над моим местом.

В случайном желтом лучике сверкнул и сузился зрачок неподвижного глаза. Глаз смотрел прямо на меня.

Я с грохотом сверзился на пол, задев ногой вьетнамца на «боковушке». Вокруг недовольно зашевелились спящие.

Лечь на свое место я так и не решился. Так и уснул, сидя на нижней полке, вклинившись между двумя огромными сумками, предварительно пощупав их и убедившись, что уж там-то – нормальный «челночный» груз.

Наутро, выходя по нужде, я увидел, что багажная полка надо мной пуста. «Может, мне все приснилось?» – спросил себя я. И решил так и считать. И считал. Вплоть до встречи с вами... Кстати, с перепугу, по-видимому, я потерял в вагоне паспорт...

Самым интересным в этой дикой Олеговой истории было то, что она имела место в действительности. Все было правдой, кроме рассказа о том, что впоследствии якобы перекочевало в сочинение. В действительности бормотание из сумки доносилось совершенно невразумительное.

Как ни странно, Владимира Сергеевича рассказ вполне устроил.

– А вам не показалось странным, что вьетнамец рассказывал все это по-русски? – только и поинтересовался он.

– Станным? После человека в сумке?..

Владимир Сергеевич рассеянно кивнул. Он уже что-то решил для себя, потому что ловко, словно профессиональный

крупье, раскидал по столу несколько фотоснимков.

– Посмотрите на фотографии: нет ли среди них вашего «челнока», – предложил Владимир Сергеевич.

Олег добросовестно просмотрел фотографии. Никого, конечно, знать он не мог, а если бы и знал, то уж точно по фотке не узнал бы: все вьетнамцы были для него на одно лицо. Сразу вспомнился анекдот: «Я ненавижу только две вещи – расизм и негров». Вьетнамцев он не то чтобы не любил, а скорее подсознательно боялся – как инопланетян. Из предложенных же ему сфотографированных вьетнамцев выделялся только один: он был похож на каратиста из фильма «Пираты двадцатого века».

Олег развел руками: мол, ничем не могу помочь. Владимир Сергеевич кивнул и, попросив подождать, вышел. Вернулся он минут через десять с листком бумаги, в котором Олег предупреждался об ответственности за дачу ложных показаний и было изложено близко к тексту то, о чем он только что говорил. Дрогнувшей рукой Олег расписался в указанных местах текста.

Владимир Сергеевич попрощался с ним неожиданно легко и быстро. Он, как это ни было странно, остался доволен ахинеей, произнесенной Олегом.

ное. По большому счету с «карающим мечом» власти столкнулся он впервые. Меч, к счастью, пока не нанес ему серьезных повреждений, однако побывал, если верить ощущениям, довольно глубоко. Унижение и страх от засунутого по рукоять в энное место карающего меча были крайне неудобными. Поэтому, решил Олег, нет повода не хряпнуть пивка для расслабления. Купив десяток бутылок «Будвайзера» и всякой сопутствующей псевдоеды вроде чипсов и сушеных кальмаров, Олег закинул все это в машину и понесся прочь от серого замка ужасов. Самому приятному из попутчиков – огромному пакету с пивом – досталось почетное место справа от водителя. С Олеговым разводом это место закрепилось за пивом как нельзя более прочно.

Пытаясь отогнать нехорошие мысли, Олег с неудовольствием вспоминал ту ересь, что он нес этому типчику из органов или откуда там он... Конечно, полуправда всегда лучше откровенной лжи, но все же...

Олег, деланно бодро насвистывая, вошел в лифт и нажал кнопку своего седьмого. Палец утонул в раскисшей жвачке. Олег чертыхнулся. Поднять себе настроение не удавалось.

Ключ долго не хотел входить в скважину, а уже в коридоре Олег неловко повалил вешалку. Вешалка, падая, сорвала со стены телефон. Отлетевшая в сторону трубка издала унылое гудение.

Олег секунду посмотрел на последствия этой катастрофы и, не разуваясь, отправился на кухню. Там он засунул пиво в

холодильник и тут же открыл первую бутылку. Сделав пару глотков, Олег вдруг рассмеялся... право же, смешно все это. Все это просто смешно...

Зайдя в зал, Олег заморгал, пытаясь привыкнуть к темноте. Он же вроде не завешивал окно шторами... Мелкая, что ли?..

Включив свет, Олег чуть не выронил пиво.

На диване скромно, на самом краешке, сидел человек.

– Здравствуйте, Олег Анатольевич, – вежливо поздоровался человек.

Был он небольшого роста, худ и говорил с едва заметным акцентом. Моргнув, Олег разглядел, что это был человек с восточной внешностью. Моргнув еще раз, Олег узнал его.

Это был вьетнамец, похожий на каратиста из «Пиратов двадцатого века». С фотографии, показанной ему в службе.

В горле застрял противный ком. Но надо было что-то говорить. И Олег выдавил:

– Э-э-э... Пиво будешь?

Вьетнамец в общении на первый взгляд показался не таким циничным гадом, как его двойник из фильма.

Когда распили по первой бутылке, он смущенно улыбнулся и сказал:

– Олег Анатольевич, прошу вас, простите меня за это беспардонное вторжение.

Олег промолчал, нервно дернув плечами.

– Вы спросите, кто я такой, зачем я проник в ваш дом...

– Да, действительно, – буркнул Олег, разрывая на волокна засушенное кальмарье щупальце.

– Видите ли... Я нашел вас по вашему же паспорту...

На столе перед Олегом возник потерянный в том самом поезде паспорт. Толку в нем уже не было – он успел сделать новый.

– Вы что, ехали со мной в одном вагоне? – спросил Олег. Просто чтобы не молчать.

– Более того – в одном купе... – Вьетнамец говорил очень грамотно. Даже слишком. Чувствовалось, что это не простой торговец фальшивыми спортивными костюмами.

– Как?!

– Да-да. Я и был в той самой сумке. Не пугайтесь, я ничем вам не угрожаю! У меня была трудная ситуация, и мне помогли перебраться через границу... Впрочем, это не важно...

«Черт! Черт! – запаниковал Олег. – Не хватало еще, чтобы меня увидели с этим вьетнамцем! А если его поймают и допросят по поводу этой идиотской истории? Он же ни о чем таком не рассказывал... А если устроят очную ставку?... Потом еще зарежут меня, проклятые вьетконговцы...

– Вы спросите меня, как я проник в вашу квартиру? Это просто: я бывший сотрудник спецслужб и владею многими навыками...

– Технические тонкости меня волнуют как раз меньше всего...

– Я понимаю. Вас больше интересует, зачем я к вам пришел. Кстати, паспорт выкрал у вас я. Вы уж меня простите, но мне очень нужно было найти вас позже. В вагоне я не мог с вами разговаривать.

– М-да... Час от часу не легче...

– Так вот. В поезде я случайно наговорил лишнего. Это было не нарочно. Во сне...

– Ничего такого вы не говорили, – сказал Олег. «Нет, это не может быть правдой! – заорал он про себя. – Он ведь только жаловался на жизнь! Это я точно помню!»

– Говорил, – с тоской ответил вьетнамец. – К сожалению, в результате стрессов такое бывает и со специально тренированными людьми...

– О чем говорили? – с непонятной надеждой спросил Олег. – О президенте?

– Каком еще президенте? – отмахнулся вьетнамец. «Слава богу», – подумал Олег.

– Я говорил об учителе Джао Ли и статуе Мао.

Олег поперхнулся кальмаром.

– Постучать? – участливо предложил вьетнамец.

Олег отрицательно помотал головой и побежал за пивом. Когда он вернулся с оставшимися бутылками, вьетнамец продолжил:

– Я понимаю, это моя вина, что вы стали носителем информации, знать которую вам не положено. Поэтому я и пришел предупредить вас. Возможно, вас будут допрашивать в

соответствующих органах. Послушайте меня внимательно: вам не стоит упоминать там про Джао Ли и статую Мао... Вы меня понимаете?

Олег уже не был в состоянии что-либо понимать.

– Я знаю, что вы добропорядочный гражданин, работаете экономистом в процветающей фирме ООО «Компью-Питер», директор Чижевский Павел Сергеевич, что вы разведены с женой Галиной и что у вас дочь Оля. Поэтому ни при каких обстоятельствах в тех самых органах не станет известно о моем случайном рассказе в поезде. Да и о том, что кто-то ехал с «челноками» в багажной сумке. Правильно ли вы меня поняли?

– Конечно! – всплеснул руками Олег и быстро хлебнул из бутылки.

– Ну и хорошо. Я думаю, мы с вами еще увидимся. А вот паспорт я вам не верну, уж простите. Вы его потеряли. Вместо него я прошу вас принять от меня скромную денежную сумму – тысячу долларов, за беспокойство.

– Как хоть вас зовут? – спросил Олег.

– Ну... Зовите меня... Эдуардом.

– Как?!

– Эдиком, – ответил вьетнамец и ушел.

Олег посидел еще немного, глядя на стопку баксов и с отвращением потягивая пиво. Затем он, повинувшись каким-то смутным импульсам, подсел к столу и включил ноутбук.

Легенда о Книге

Старый Джсао Ли смотрел вслед ученику, исчезающему в дымке у подножия склона.

Только что он закончил очередную главу Книги. Судьба ученика ясна, как горное небо, путь его определен ста двадцатью тремя иероглифами на листке, что стал одной из бесчисленных страниц Книги.

Жаль, что Мао никогда не верил в могущество письмен, что появлялись под стилем Джсао Ли. Напрасно... Судьбу великого китайского государства писали корявым почерком. И он, Джсао Ли, уже ничего не может с этим поделать. Он слишком стар. Скоро он умрет. Кто после него будет владеть искусством с помощью слов, перенесенных на бумагу, управлять судьбами?

Нет, нет вокруг таких людей. Ни один древний китайский монастырь не может хранить теперь тайн. Все распахнули свои ворота для любопытных бездельников со всего света.

Ни один ученик не достоин того, чтобы стать его преемником. Хотя многие хотели бы приобщиться к тайным знаниям, дающим удивительную силу и власть...

Однажды один вьетнамец пришел к старому Джсао Ли и попросил научить его искусству боя и маскировки. Он был профессиональным разведчиком и убежденным борцом за свободу вьетнамского народа. Как и старый Джсао Ли когда-то, он был коммунистом. Поэтому Джсао Ли не мог ему отказать. Этого не поняли бы советские товарищи.

Учить этого вьетнамца уж очень не хотелось: Джэао Ли не любил вьетнамцев. Но он не показал виду. Обучив вьетнамца многим премудростям древнего искусства войны, он сделал этого человека сильным. Но не сказал тому, что расплатой за новые знания будет одна слабость: во сне он будет раскрывать свои самые сокровенные тайны. Контролируя днем силы и энергии своего сознания и тела, ночью он будет бессилён скрыть то, что захочет утаить от других. И чем сильнее будет желание сохранить тайну, тем с большим усердием он будет выбалтывать ее во сне. Если он захочет скрыть, что он вьетнамец, – во сне он будет петь вьетнамские колыбельные, если он захочет скрыть знание чужого языка – на этом языке он будет выбалтывать вьетнамские военные тайны.

Это была шутка старого Джэао Ли. Он не хотел зла молодому человеку. Он просто не любил вьетнамцев. (Это была ЕГО маленькая слабость, которой он расплачивался за умение писать Книгу.)

Напоследок он рассказал вьетнамцу ПОЧТИ самую главную тайну: если принадлежащая ему статуя Мао будет находиться рядом с правителем страны – тому правителю придет удача.

– А где статуя? – огляделся вьетнамец.

– У одного из правителей. Должна же кого-то посетить удача, – усмехнулся старик. – Ищи, может, и твоему народу повезет...

Вот так старый Джао Ли не любил... Ну, вы в курсе.

– Но помни, ученик, – сказал напоследок старик, – если ты вдруг проговоришься кому-то об этой тайне – найди того человека и прочти ему это письмо на том языке, какой он поймет. Человек все сразу забудет.

– Не проговорюсь, – самонадеянно ответил ученик, но взял сложенный вчетверо лист бумаги.

Не прошло и месяца, как ученик во сне выболтал все тайны первому встречному. И тот, сам того не зная, приобщился к Самой Главной Тайне Учителя.

С тех пор все хитрые навыки, полученные вьетнамским лазутчиком от учителя, будут направлены на заглаживание одной слабости, которой он расплатился за эти самые навыки.

Мораль этой притчи ясна: если ты получил то, что тебе не положено по праву или воле дающего, – готовься к расплате за это гораздо большей ценой.

Джао Ли усмехнулся. Сколько таких притч он нацарапал в Книге за свою жизнь? И не пересчитать.

Цель же последней – передать Самую Главную Тайну первому встречному и как можно дальше отсюда...

Случай мудрее любого пишущего Книгу – в этом главная мудрость, признаться в которой учитель боялся до сегодняшнего дня. А сегодня все перестанет иметь для него значение.

Так как в своей последней притче он передал бесконечную

эстафету работы над Книгой незнакомцу. Впервые за тысячу лет.

Олег откинулся на спинку кресла и самодовольно захихикал.

Вот вам, получите! Толпа психопатов окружила его со всех сторон, все хотят его запутать и поймать на нелепом школьном сочинении. Ага, он виноват в умении читать чужие мысли. Это же надо – самому выдумать существующие факты! Маразм, господа хорошие, чистой воды маразм!

Олег поймал себя на мысли, что ему нравится писать всю эту чушь. Зачем он это делает? А просто так! «Да, старый придурок Джао Ли, который совсем не Джао Ли, ты у меня сейчас сделаешь себе харакири...»

Олег начал было писать про то, как старый учитель, который не любил вьетнамцев («Почему именно вьетнамцев?» – сам себе удивлялся Олег), но очень уважал японцев, решил сделать харакири. Олег уже обдумал было описание процесса, но вдруг охладел к этой мысли.

«Не так должно быть», – пробормотал он и допечатал последние строчки.

Старый Джао Ли сделал из листочка с последней притчей журавлика и взмахнул рукой. Журавлик взмыл в небо и унесся куда-то вслед за струей холодного ветра. В ту же секунду раздался хлесткий свист, и старик получил пулю в го-

лову: северокорейскому агенту наконец удалось выполнить приказ, отданный Ким Ир Сеном еще двадцать лет назад.

Журавлик пролетел над залежишим в камнях смуглым человеком нарочито туристического вида, но с нетипично колким и холодным взглядом, в руках которого дымилась инкрустированная тросточка с прикрепленным сверху полупрофессиональным фотоаппаратом.

Журавлика несло на северо-запад.

Вот, совсем другое дело!

Олег потянулся за пивом и увидел прижатый донышком пустой бутылки мятый листок.

Увидел и чуть не заплакал от бессилия.

На листке было несколько иероглифов и корявая надпись по-русски:

«Прежде чем вершить чужие судьбы, научись управлять своей».

Олег вдруг поймал себя на мысли, что устал удивляться. Он отставил пиво и пошел варить кофе.

Кофе немного прояснил сознание.

Во-первых, следуя собственной логике, прочитав эту «мистическую» записку, он должен был все забыть. Поскольку этого не произошло, то все не настолько бредово.

...Так. Давайте рассуждать последовательно. С чего все началось? С сочинения? Или с поезда? Нет, после поезда вплоть до сочинения все было нормально. Но ведь именно в

поезде он услышал, как проболтался вьетнамец, после чего и должно было все начаться...

«Бр-р-р! Олег, дорогой друг, ты спятил?! Это „условие“ ты только что САМ придумал!»

Но... Как же этот влезший в квартиру вьетнамский спецгент? Как же вызов в ФСБ? Как президент, наконец?

Все-таки все началось с сочинения. Кстати, не забыть сходить к директору школы... Итак, он написал сочинение – где все по-честному выдумал, – и началось все то безумие, которое закончилось вот этой бумажкой, придуманной им за пять минут до ее появления...

Так... Может... Может, так: он ее увидел краем глаза и подсознательно о ней написал? Может, он и рассказ вьетнамца во сне слышал да запомнил? А потом выдал в сочинении за свою выдумку?

Ох, если бы так! Тогда все банально объясняется и надо просто идти к психиатру. А если так: он написал, а то, о чем он написал, – получило место в реальности?!

Тогда тем более – к психиатру.

Впрочем, последнее предположение не составит труда проверить.

Олег склонился над компьютером и принялся печатать:

«Олег очень хотел есть. Пиво и всякая сушеная дрянь только обостряли аппетит. Как назло в холодильнике ни черта не было. Надо было идти в магазин, но тут...»

...В дверь позвонили. Олег оторвался от экрана и пошел

открывать дверь.

– Кто там? – с подозрением спросил Олег.

– Пиццу заказывали? – прогнусавили за дверью.

Олег, не веря своим ушам, открыл дверь и увидел долго-вязого паренька в яркой форменной кепке.

– Так заказывали?

– Ага... – пробормотал Олег.

– Двести рублей с вас.

– Да, сейчас...

Поедая пиццу, Олег пытался соотнести себя с нереальностью происходящего и не мог.

Тогда он решил поставить еще один эксперимент и принялся лихорадочно стучать по клавишам.

«Что такое деньги? Деньги – они как песок сквозь пальцы. Олег заметил такую особенность: стоит ощутить хоть какую-то финансовую стабильность – и тут же наступает жестокий удар по карману...»

«Стоп! Что это я пишу?» – насупился Олег и принялся «исправлять ситуацию».

«Но сегодня Олегу повезло: неожиданно на него свалились большие деньги».

Последние строчки звучали как-то фальшиво.

Олег отошел от ноутбука, походил вокруг. Ничего не происходило. Почувствовав некоторое облегчение, смешанное с разочарованием, Олег прилег на диван. В конце концов пицца – это просто случайность...

Под окном раздался громкий удар и следом – вой автомобильной сигнализации. Обмирая от предчувствий, Олег вскочил и бросился к двери, а дальше, не дожидаясь лифта, – вниз по лестнице.

Представившаяся ему картина впечатляла.

Из дыры, образовавшейся на месте лобового стекла его «десятки», торчала углом в небо огромная сплит-система с обрывком толстого шланга.

Подбежавшие сзади женщины охали и причитали.

Одна из них горько восклицала:

– Ох, мамочки, какие деньги! Какие деньжищи грохнулись! Чья машина-то?..

Какой-то мужик подошел сбоку, хмыкнул и почти радостно обратился к Олегу:

– Сосед, так это ты мою пиццу у меня из-под носа забрал? Ну-ну!

И ушел, поглядывая на изуродованную машину и похмыкивая.

Олег возвращался в квартиру на ватных ногах и с нехорошим звоном в голове.

Итак, одно представляется почти доказанным фактом: то, о чем он пишет, так или иначе находит свое отражение в реальности. Верится в это, конечно, с трудом, но – вы все видели, господа! Что является причиной этого – неизвестно, да и вряд ли тому найдется достаточно разумное объяснение.

Важно другое – как с этим жить? Можно ли использовать

эту новую странную способность в собственных интересах? До последнего момента, как показала практика, Олегово перо (то есть текстовой редактор) работает против него. Хотя имел место сравнительно приятный случай с пищей. Но был и кондиционер, мать его... Кстати, он теперь без машины.

Что еще ему известно об этом... э-э-э... явлении? То, что его «творения» не материализуются буквально. Скажем так, они «близки к тексту». А может, он всего лишь предсказывает события – как Нострадамус? Если так – то он, можно сказать, лишен свободы воли: все, что он пишет или выдумывает, навязывается ему наступающим будущим. М-да... Лучше считать, что это он влияет на события.

Еще Олег заметил, что конкретно «подсел» на привычку писательствовать. Тоже странно. Написал пару текстов – и уже зависимость. Да он, оказывается, еще тот графоман! Вот и сейчас его неудержимо тянуло начать колотить по клавишам.

Стоп! С этого момента надо быть крайне осторожным с тем, что печатаешь. Надо попытаться продумывать последствия, которые могут повлечь разного рода выдумки.

Значит, так: никакой больше политики, никакого криминала, никаких катастроф. Только позитив.

Появилось какое-то тошнотворное ощущение. Фу! Ему не хочется писать один позитив! Вот удивительно – когда хочешь написать что-то позитивное, хорошее, получается это не в пример труднее, чем описывать какую-либо гадость.

Причем гадость получается замечательно – смачно и выпукло, просто загляденье, читать приятно. А вот позитивное выходит неубедительно как-то, как-то фальшивенько... Что за беда? Странная закономерность – вы не находите?..

5

Идти на встречу с директором школы хотелось не больше, чем в ФСБ. Само по себе посещение этого заведения вызывало непередаваемую тоску. И в тоске этой чего только не было понамешано! И бессмысленно текущие, растянутые в года часы, когда в окно, хохоча, ломится весна, и безысходность ожидания результатов контрольной, и драки в туалете, и кошмарные немые сцены появления в классе школьного стоматолога, медленно ведущего безжалостным пальцем по списку, и безнадега первой любви, и волнующие формы молоденькой учительницы, и бесшабашная радость выпускного, подпорченная неизвестностью перед поступлением в институт и надвигающимся призывом в армию...

М-да... Много было плохого, много было хорошего. Но хотел бы он повторить все сначала? Пожалуй, нет. Спасибо, как говорится, уж лучше вы к нам. Всеу свое время.

Затравленно озираясь, чувствуя себя попавшим в разбомбленный зоопарк, он протиснулся сквозь орущую и бурлящую толпу малолеток, выяснил у технички дорогу к кабинету директора и поспешил туда.

Директором оказалась солидная тетя, больше всего походявшая на заведующую колбасным складом. Он кожей почувствовал, как его просканировали и сделали соответствующие выводы о психике, мировоззрении и платежеспособности.

Завскладом, как ее про себя окрестил Олег, мило улыбалась полным, похожим на луну и покрытым косметикой лицом. Олег вдруг почувствовал, что от этой женщины исходит опасность, едва ли не большая, чем от молодого человека из службы. Звали ее Инна Игнатьевна.

Олег представился.

– Здравствуйте, любезный Олег Анатольевич, – сказала Инна Игнатьевна. – Вы, конечно, догадываетесь, зачем мы вас пригласили...

– Не вполне, Инна Игнатьевна, – соврал Олег.

– Речь идет о вашей дочери...

– Она стала хуже учиться, у нее проблемы с поведением?

– Нет, нет. С ней у нас как раз проблем никаких нет. У нас проблемы с вами.

– То есть?! – не понял Олег.

– Я объясню... Видите ли... У нас ведь не просто школа. У нас достаточно престижное учебное заведение с углубленным изучением...

– Это я знаю, – довольно грубо оборвал директрису Олег. – Я не понимаю, в чем тут проблема? Я не оплатил обучение дочери?

– Ну зачем вы так? У нас обучение бесплатное. А добровольную спонсорскую помощь от вас школа получила, спасибо. Проблема не в этом.

Олег молчал, выжидающе глядя на улыбающееся лунообразное лицо. Вот здесь, где-то под раскрашенным глазом, Нил Армстронг совершил тот самый шаг – «всего один шаг для человека и гигантский шаг для всего человечества»...

– В одном классе с вашей дочерью учатся дети очень серьезных людей...

– Ну и что?

– Они не хотят, чтобы их дети набирались от вашей дочки таких... мыслей.

– Каких мыслей? – набычился Олег.

– Как в последнем сочинении вашей дочки.

– Забавно. А сейчас что, тридцать седьмой год?! Нельзя писать, что думаешь? Может, у нас свободу слова отменили?!

– Не передергивайте, Олег Анатольевич. Речь идет не о самом сочинении, а о реакции на него соответствующих органов. Не каждый день они предлагают нам обратить пристальное внимание на ученицу восьмого класса... А свобода слова, как вы говорите, вот она: все родители уже в курсе дела, и даже более чем в курсе... Родители – они вечно такого себе понакрутят...

– И что вы предлагаете?

– Ничего страшного, не беспокойтесь. Сейчас не трид-

цать седьмой год, как вы выразились. Просто переведем вашу дочку в обычную среднюю школу... Если хотите, можете договориться о ее переводе в частную школу, лицей... Все зависит от ваших финансовых возможностей.

Перед Олегом промелькнули все унижительные мытарства, которые он вместе с бывшей женой преодолел, чтобы устроить дочуру в эту самую «элитную» школу, и он покрылся холодным потом... Но внезапно словно наступило какое-то прояснение сознания и он вымученно улыбнулся.

– Но, как я понимаю, Инна Игнатьевна, этот вопрос все-таки можно решить?

– Не знаю, не знаю... – задумчиво уставившись в потолок, протянула директриса. Из-под глаза стартовал к Земле Нил Армстронг, оставив в кратере нагло трепещущий в вакууме американский флаг.

– Как насчет спонсорской помощи? – поинтересовался Олег и достал на всякий случай припасенную стопку «вьетнамских» долларов...

По пути домой Олег заскочил к мастерам, которые реставрировали несчастную «десятку». Возни с ней было еще на пару дней. Непредвиденные расходы росли. Олег вспомнил, как пытался «литературным трудом» привлечь деньги, и горько усмехнулся.

От мастерской он пошел пешком: во-первых, надо теперь экономить, а во-вторых, ходьба стимулирует мысль.

Нет, братцы, рассуждал Олег, все-таки это все ерунда. Нет

здесь никакой мистики. Просто цепь нелепых совпадений. Сейчас он придет домой и... Нет, пожалуй, хватит писанины. Какой из него, к черту, писатель? А графоманию надо пресекать на корню. Что бы сказал в таком случае Джао Ли? «Все, что ты изложил на бумаге, – все это ты впустил в наш мир. И тебе, прежде всего тебе, жить в окружении сотворенного тобой».

Ну вот. Опять он туда же... Что с ним происходит? Может, от одиночества все это? Дочка ведь не в счет... Собаку, что ли, завести?..

Боковым зрением он почувствовал неладное. Нервно обернувшись, Олег заметил медленно катившую вслед ему старую праворульную «тойоту» грязного цвета. В машине сидел с каменным лицом человек азиатской внешности. Олег остановился и «тойота» проехала мимо. Человек смотрел невидящим взглядом прямо перед собой.

«Начинается», – подумал Олег, поспешно перешел на противоположную сторону и поймал такси.

Неужели теперь его будут контролировать эти самые вьетнамцы? Мало ему было ФСБ – теперь еще и азиатская мафия... Все, с писаниной завязываем...

6

...«Жизнь на берегу далекой горной реки, в окружении высоких гор и сосен, несомненно, должна была пойти ему на

пользу. Наконец-то он может расслабиться, побыть наедине с собой, привести в порядок мысли и чувства. Рыбалка, собирание грибов, а может, и охота – эти простые занятия должны были отвлечь его, снять непомерное напряжение последних дней.

Как скоро может наскучить такая жизнь? Он не знал. Он знал только то, что теперь опасности и постоянная нервозность где-то далеко-далеко, а все, что привело его сюда, как будто произошло с другим человеком. Только здоровый холод и успокаивающий физический труд...»

Олег скептически пробежал глазами написанное и нахмурился. Вообще-то он решил ничего больше не писать. Но напоследок нестерпимо захотелось (в целях обезопасить себя, оправдывался Олег) написать нечто в том смысле, мол, опасность миновала и все теперь будет хорошо. (Олег лукавил – ему просто очень хотелось сочинять.) Однако после внимательного прочтения текст начинал приобретать несколько иной смысловой оттенок.

«Сибирью пахнет, – понял наконец Олег, – лагерями... Мама родная! Что ж я написал, блин!»

Олег уже успел безоговорочно поверить в свои необычайные способности воплощать написанное в жизнь. Мнительность – если не главный его недостаток, то уж точно один из самых неприятных.

Слава богу, никого из сотрудников в кабинете сейчас не было, и некому было оценить сумасшедшего взгляда началь-

ника отдела.

Холодея от ужаса, он стал лихорадочно придумывать сюжетный поворот, который помог бы ему выпутаться из такой неприятной, хотя и всего лишь гипотетической ситуации.

«Вздыхнув, он вернулся мыслями в действительность. К сожалению, все это только мечты. Желаемое, что никогда не станет действительностью. Его место здесь. Он сам справится со всеми своими проблемами. Как всегда. Надо только...»

Олег вздрогнул от резкого звука. Звонил сотовый. Номер не определялся.

– Алле, – осторожно отозвался Олег.

– Это Владимир Сергеевич, – вежливо сказала трубка.

– А, здравствуйте, – ответил Олег. Тело немедленно покрылось испариной. Неужели не успел?..

– Нам надо с вами встретиться, Олег Анатольевич, – сказал Владимир Сергеевич.

– Там же? – обреченно спросил Олег.

– Нет. Я буду ждать вас у станции метро... – Он назвал станцию. – Вы ведь сейчас пока без машины?

Последнее молодой человек произнес с ноткой иронии в голосе.

«Вот гады! – обмер Олег. – И эти следят! Что же такое происходит со мной, господи?»

– Когда? – безвольно спросил Олег.

– Через час. Как раз в обеденный перерыв. Это не займет много времени. Я перезвоню, чтобы найти вас.

Новая страница текста так и осталась оборванной на полуслове.

Выйдя из метро, Олег некоторое время побродил вдоль киосков, озираясь и наталкиваясь на прохожих. Он начинал ощущать себя героем бездарного детектива.

Заблеял мобильник.

– Я вас вижу, Олег Анатольевич, – сказала трубка. – За остановкой черный «мерседес», видите? Подходите и садитесь на заднее сиденье.

Олег повиновался.

Спецслужбы в лице Владимира Сергеевича, по-видимому, не считали нужным усугублять конспирацию за счет снижения уровня представительности и комфорта. «Мерседес» был вызывающе роскошен как снаружи, так и внутри.

– Добрый день, – сказал Владимир Сергеевич. Выглядел он крайне озабоченным.

Олег пожал жилистую ладонь, которую молодой человек тут же резко отдернул, словно форель подсек.

– У вас дома был наш общий знакомый... – начал было Владимир Сергеевич, но Олег тут же перебил его:

– Он мне не знакомый. Я его впервые видел. Он нашел меня по паспорту...

– Знаю, знаю, давайте я скажу... – недовольно оборвал Олега молодой человек. – Буду откровенным: я слышал весь ваш разговор. Вы попали в неприятную историю, Олег Анатольевич. Честно говоря, не стоило вас так просто отпускать

после нашей встречи...

– Вы меня в чем-то все же подозреваете?

– Хе... Если бы я подозревал... Впрочем, ладно. Скажем так: вы чего-то недоговариваете, как мне кажется...

– Что?! Что я недоговариваю? Если вы все слышали – о чем еще я могу вас информировать? Я же у вас как на ладони!

– Ладно, ладно... Не об этом сейчас речь. Должен сказать, что неприятности угрожают вам, и прежде всего вам. Этот вьетнамец, как он вам представился, я запомнил?

– Эдиком, – хмуро ответил Олег.

– Эдиком! – хохотнул молодой человек. – Ладно, пусть будет Эдиком. Давайте разберемся. Чего он хочет от вас?

– Чтобы я не встречался с вами, – буркнул Олег. – Эту его маленькую просьбу я бы исполнил с превеликим удовольствием.

– Он давно в курсе, с кем и когда вы встречались, поверьте. Вот мне и интересно – зачем он все-таки к вам приходил?

Олегу ничего не оставалось, как пожать плечами. Действительно – кто, зачем? Оставьте человека в покое и разбейтесь сами, вы, супермены и сверхчеловеки!

– Сделаем так, – эдаким отвратительным деловым тоном заявил молодой человек. – Будем считать, что с этого дня вы – наш внештатный сотрудник. Не пугайтесь, работа не пыльная, а я договорюсь о гонораре за выполнение вами небольших обязанностей перед родиной...

В Олеге внезапно проснулся свободолобивый либерал.

– Знаете что! Все это не мои проблемы и я не собираюсь их разгребать. Это ваша работа – вы ею и занимайтесь. Никогда я не был стукачом и быть им не собираюсь...

Владимир Сергеевич спокойно выслушал Олегову тираду и тихо сказал:

– Замечательно. Уважаю ваши убеждения. Будем действовать строго по закону, в рамках процессуального права. Эти рамки подразумевают закрытый процесс, так как он будет сопряжен с государственной тайной. Боюсь, что доказать свою невиновность в шпионаже в пользу одной из иностранных разведок вам будет трудно, так как есть материалы, подтверждающие ваше общение с иностранными разведчиками, а также получение от них денег за недонесение соответствующим органам сведений об их противоправной деятельности на территории нашей страны... Я понятно выражаюсь? Это гарантированная тюрьма. В лучшем случае Колыма... Знаете ли, горы, леса, реки, свежий воздух, физический труд... Энцефалит. Туберкулез. Дочь без отца. Зачем вам все это?

Молодой человек говорил тихо, даже грустно. Он явно уважал убеждения Олега и даже ему сочувствовал. Олег скис.

– Ну, я убедил вас, что ваше противодействие неразумно, а помощь родине почетна и вознаграждаема?

Олег мрачно кивнул.

– Договорились. Я слышал, у вашей дочери в школе были

проблемы. Хочу вас порадовать – они благополучно разрешились. Директор просила передать вам деньги, которые вы у нее по ошибке забыли... Где они? Ага, вот...

Владимир Сергеевич достал из-за пазухи стопку долларов, протянул было Олегу, но вдруг, как бы осененный какой-то мыслью, остановил руку и посмотрел на деньги.

– Хм... Деньги, которые вы получили как взятку и как взятку хотели передать... Что же делать с этими вещественными доказательствами?

Поболтав в воздухе веером из купюр, этот пижон довольно улыбнулся и впихнул доллары в руки Олега.

– Забирайте. Теперь мы с вами в одной лодке. Куда вас подвезти?

Выйдя из машины и сделав несколько шагов, Олег почувствовал легкое головокружение. В нем проснулось пресловутое ощущение deja-vu. Нет, не сходство ситуации, а сходство ощущений...

И сразу в голове замелькали обрывки будущего сюжета... Нет, это будет не китайский боевик... Это будет что-то... Что-то... Спецслужбы... Бегство... Шпиономания... Или все вместе?

Какой все же винегрет у него в голове!..

бе знать – это вызывает жутко тяжелые чувства и неудобство. Но вот проходит немного времени – и неприятности попросту становятся частью твоей жизни, не вызывая, конечно, положительных эмоций, но и не неся более трагической безысходности. Человеческая психика, как известно, гибка.

Об этом лениво размышлял Олег после звонка бывшей супруги. Надо сказать, он оставил в нем куда больше негативных эмоций, чем в последнем общении с агентами спецслужб.

Поскольку ничего конкретного от него пока не требовали, он попытался заставить себя переключиться на текущие проблемы.

Во-первых, машина. С халявной «штукой» баксов этот вопрос решается не в пример куда легче. И, следовательно, снимается автоматически. Со школой у мелкой тоже вроде теперь все в порядке.

Перейдем к вопросам рабочим...

Олег окинул рассеянным взглядом свой кабинет и вдруг ощутил непреодолимый приступ тошноты: предстояло писать отчет о поездке в филиал, что в Новосибирске.

На утренней планерке шеф странно смотрел на него. «Неужто и он в курсе всех моих дел? Этого только не хватало!» – подумалось тогда Олегу.

Однако, поразмыслив здраво, он пришел к выводу, что это вряд ли. Скорее всего шефу просто не нравилось выражение лица Олега и отсутствующий взгляд. Олег пытался контро-

лировать себя и делать вид, будто внимательно слушает шефа, но поручиться за эффективность своих усилий не мог.

Пялясь в экран ноутбука, Олег пытался вспомнить подробности своего пребывания в Новосибирске, однако ничего, кроме галдящей толпы вьетнамских торговцев, в голову не лезло.

«Надо составить план», – решил Олег и принялся суетливо колотить по клавишам.

С трудом, с проворотами, но работа пошла.

«План отчета.

1. Прибытие на место. Встреча с директором филиала.

2. Рабочая встреча с руководителями отделов, знакомство с новыми сотрудниками.

3. Разбор отчетов руководителей отделов.

4. Обсуждение с директором филиала отчетов, работа с отдельными начальниками отделов.

5. Рассмотрение вариантов повышения прибыли: поиск новых направлений сбыта, расширение рынка, работа с органами власти.

6. Встреча с представителями местной администрации, поиск вариантов взаимодействия и сотрудничества. Налаживание контактов со спецслужбами. Мы теперь в одной лодке.

7. Вокзал, вьетнамцы. Почему именно вьетнамцы? Очень просто: их много и будет все больше. Они одинаковые, будто штампованные... Ими легко управлять... Потерю одного, десяти, тысячи страна просто не заметит. Они просто кле-

точки... Клетки... Нейроны... Вот оно! Нашел!»

Олег вздрогнул и словно вышел из забытья. Перечитал написанное. Стараясь не давать воли эмоциям, выделил набранный текст и нажал «Del».

Просто наваждение какое-то. Шутки шутками, а психологу надо показаться однозначно. Иначе дело может кончиться плохо.

8

– При чем тут мои детские переживания? – пожал плечами Олег.

Психолог – манерный молодой человек в лоснящемся пиджаке, чем-то напоминающий Дэвида Копперфильда, таинственно и грустно улыбался. Он все уже понял про Олегову натуру и сожалел по поводу невежественного сопротивления проводимому психоанализу.

– Как это – при чем? Все психологические проблемы уходят корнями в детство. Там, где-то там произошло с вами что-то, что сейчас отражается на вашем восприятии действительности...

Олег иронически улыбнулся. Все что угодно можно таким образом спихнуть на детство, на сексуальную неудовлетворенность и прочие фрейдистские штучки. Главное – не ляпнуть еще, что он в разводе...

Олег уже жалел, что пришел сюда. Несмотря на советы

знакомых, у которых он искал психолога якобы для родственника, этот тип не производил на него серьезного впечатления.

– Поймите, – как можно спокойнее начал Олег, – мои проблемы с детством никак не связаны. Они начались в один прекрасный момент – когда я написал дочке сочинение...

– Школьное сочинение? – вкрадчиво произнес психолог. – Это то, что не связано с детством?.. Ну-ну...

– Какая разница – школьное, не школьное, главное, что события, которые теперь вокруг меня происходят, не имеют к детству никакого отношения. Они имеют отношение к моей безопасности и свободе...

– Ну разумеется. И дальше будет хуже, если вы не будете со мной более откровенны...

– То есть вы не можете сказать, что со мной сейчас происходит?

– Могу только предполагать.

– Но я не псих?

– Как это не псих? Еще тот псих. Вас вообще нужно изолировать от общества...

Олег с недоумением посмотрел на психолога. Тот продолжал улыбаться, но уже более сочувственно, даже сострадательно.

– А какого ответа вы ждали? – сказал психолог. – Чтобы я сказал, что у вас все в порядке? Уже то, что вы ко мне пришли, наводит на определенные мысли. Мы ведь в России

живем, а не в Штатах. Это там визит к психологу – давно уже рядовое явление. А вы меня тут еще и информацией загрузили, да такой, что я уже сомневаюсь – может, вам обратиться в лечебное учреждение более строгого режима? Это, знаете ли, не проблемы супругов и отношений с начальством. Это пахнет галлюцинациями, бредом и параноидальными фантазиями... А это уже не мой профиль...

Психолог все так же улыбался, а Олег постепенно закипал...

– Да какой вы тогда, к черту, специалист?! Человеку помочь надо, а вы...

– О! Замечательно! То есть вы не отрицаете: то, что с вами происходит, – ненормально, а вы сами – не в порядке?

– А я разве это отрицал? – буркнул Олег и забарабанил пальцами по стеклянной крышке стола странной каплевидной формы. Вид этого стола, по мнению Олега, должен был доводить пациентов до бешенства.

– Ну тогда будем считать, что я врач? В какой-то мере это так и есть. Вы всегда спорите с врачом, когда он задает вопросы?

Олег отрицательно помотал головой. Он начал успокаиваться. Приступ злости, по-видимому, ловко спровоцировал этот хитрец, и теперь Олег чувствовал себя более раскованно.

– Давайте сначала, – сказал психолог. – Вы не против музыки?

Олег не был против. Молодой человек щелкнул пультом, и где-то тихо заиграло. «Пинк Флойд» – узнал Олег и хмыкнул.

– Психолог слушает исключительно «психоделику»?

– А что плохого?

– Да ничего, мне даже нравится...

– Итак, сначала. Вы что-то пишете – и это событие немедленно превращается в реальность...

– Нет, не так. Во-первых, не обязательно немедленно. Во-вторых, далеко не так и не в таком виде, как я пишу. А в-третьих, материализуются только художественные тексты... Ну, или не художественные, а... как бы это правильно сказать...

Олег бессильно защелкал пальцами, пытаясь сформулировать ускользающее понятие.

– Образные? – тихо подсказал психолог и щелкнул зажигалкой. Ему не требовалось Олегово согласие, чтобы закурить.

– Точно! Если я... э-э-э... вложил душу даже в одну строчку – тогда она может и реализоваться. Всяких отчетов и докладов это не касается.

– Вы творческая личность, Олег?

– Да ну нет, что вы!..

– То есть писать вас никогда не тянуло?

– Никогда... То есть если не считать последнего времени... Когда все это началось...

– Хм... То есть вы так вот внезапно открыли в себе твор-

ческий потенциал? Забавный случай... Может, в этом кроется причина некоего психологического стресса? Надо бы почитать то, что вы там натворили...

– Э-э-э... Видите ли... Это государственная тайна...

– Ах тайна...

Психолог сочувственно покивал. Он явно все больше удостоверился в том, что перед ним – классический шизофреник.

– Да нет, поймите меня правильно. То, что со мной происходит в реальности, – это правда. Я просто не могу все это связать с написанным...

– А как же я свяжу, если вы не дадите мне текстов?

Олег был готов к такому повороту. В конце концов, ему хотелось, чтобы его опусы прочел кто-нибудь, кроме учителей и гэбэшников.

Он вздохнул и достал распечатки. За последние дни цикл рассказов про старого Джао Ли разросся, несмотря на то что Олег время от времени бил себя по рукам и вырывал шнур компьютера из розетки. Это было похоже на манию. Возможно, именно потому, что между Олегом и компьютером возникло дразнящее НЕЛЬЗЯ.

Психолог взял в руки листки и принялся читать, присев на краешек своего безобразного стола. Через минуту он встал, не отрывая взгляда от листков, нашарил рукой пульт, и музыка стала громче. Плюхнувшись в кресло, психолог окутался клубами дыма и замер.

Олег хотел было что-то сказать, но не смог: он видел, как читают его творения, и вдруг наполнился новыми и странными чувствами. Волнение, как на экзамене? Похоже, но не то... Олегу ничего не оставалось, как сидеть и ждать на своем маленьком диванчике, вздрагивая при странных звуках со стороны психолога: посапывание сменялось похрюкиванием, переходящим в похмыкивание, а после – в секунды полной тишины...

– ...С вами все в порядке?

Олег вздрогнул и понял, что проснулся. Голова была неудобно запрокинута назад, что и послужило, наверное, причиной этой мерзкой боли в шее.

– М-да... Все нормально... Прочитали?

– Прочитал... Хм-м...

Психолог странно смотрел на Олега, будто новыми глазами.

– Вы действительно никогда раньше не писали?

– Ну вот, стал бы я вам врать... А что, понравилось?

– Хм... Ну, конечно, не Лев Толстой и даже не Пелевин...

Но... Не знаю, как и сказать...

– Так и скажите.

– Скажу вам одно: писать вам надо...

– Что?!

– Даже не зная подробностей формирования вашей личности, о чем вы не хотите со мной разговаривать, это я могу сказать вам точно: потребность в... э-э-э... писательстве си-

дит в вас глубоко и прочно. Судя по всему, вы очень верите в то, о чем пишете... А следовательно...

Психолог сделал какой-то жест, напоминающий пасс фокусника.

– Что «следовательно»?

– Следовательно, существуют высокие шансы того, что и вам поверят. Я, например, не мог оторваться – интересно было узнать, чем там все у Джао Ли закончится в Тибетской операции... Ну и про заговор в Токио – тоже замечательно написано... Я это к тому, что у вас, возможно, неплохое писательское будущее...

– Вы это серьезно? – Олег нахмурился, но внутри попросту победно заорал: у него появился первый благодарный читатель!

– Вполне. Ради этого можно даже плюнуть на все психологические проблемы – писателям они только помогают... Шучу, конечно. Попробуем с вами разобраться. Но мне потребуется время, чтобы подумать.

– Время так время, – согласился Олег.

Он попрощался и вышел.

Психолог закрыл за Олегом дверь и без всякой паузы флегматично достал из кармана мобильник и, набрав короткую комбинацию цифр, глухо сказал в трубку:

– Это он.

...Проходя ворота во двор, Олег остановился перед некогда кирпичной стеной своего дома. «Некогда» – это потому что не было видно кирпича за диким нагромождением красок: стену облюбовали художники-самоучки для упражнений в граффити. Если честно, Олегу нравились эти картинки. Все-таки тяга к простым образам – это то, что связывает нас с детством. Безусловно, многие элементы хип-хоп-культуры весьма пригодились бы в политической пропаганде, обладай политики более ярким воображением. Но тут уж каждому свое.

Глядя на стилизованные буквы, что только с помощью богатой фантазии складывались в сравнительно осмысленную фразу, Олег ощутил смутную тревогу. Что-то эта надпись ему хотела сообщить...

Да нет, конечно, рэпперские лозунги не несли Олегу никакой информации. Важно было другое.

Надпись. Надпись на стене. Краской. Обыкновенной масляной краской. Не было тогда аэрозольных баллончиков, дающих яркие и удивительные оттенки. Была стеклянная поллитровая банка и растрепанная кисточка.

Стоя тогда перед школьной стеной, покрытой свежей штукатуркой, он размышлял, какой мыслью стоит облагородить уныло-розовую стену. И не нашел ничего лучше, чем испор-

тить ее самыми глупыми банальностями.

«ЦСКА – чемпион Европы», «Череп – debil», «Катя + Леша = любовь до гроба».

Теперь Олег почему-то вспомнил давно забытый мелко-хулиганский поступок. Вряд ли потому, что команда ЦСКА в конце концов выиграла кубок УЕФА. И даже не потому, что Санек по прозвищу Череп после сотрясения мозга двинулся рассудком.

Наверное, вспомнилась ему одноклассница Катя, которая безумно ему, Олегу, нравилась.

Почему вместо имени придурка Леша он не вписал свое? Ведь сколько в школе Кать и Олегов и сколько пакостников, портящих стены? Чего он тогда испугался? Не побоялся же он накарять напоследок другую надпись, из-за которой вся школа неделю стояла на ушах, родителей тягали по собраниям, а директора вызывали в ТО САМОЕ серое здание?

Зачем он, двенадцатилетний хорошист, пионер – всем ребятам пример, вывел на стене злое «Смерть СССР!»?

Неужели просто от бессильной злости на самого себя?

М-да... Кто бы мог подумать, что Катя с Лешей действительно поженятся? И кто бы тогда, глядя на надпись, поверил, что они так вместе и погибнут в своей «тройке» «BMW», вылетев на встречную под бампер «КамАЗа»...

Кто бы поверил тогда в реальность той самой «нехорошей» надписи?..

Никто. Да и правильно. Будем это считать совпадением.

Просто совпадением. Так уж вышло...

Может, это и есть тот самый детский эпизод, что играет теперь его сознанием, словно теннисным мячиком? Кто знает... Во всяком случае, психолог, несомненно, помог ему. Нет, не разобраться в проблеме. Видимо, нет никакого смысла в этой самой дурацкой проблеме разбираться. Помощь была необходима в принятии решения: прятаться ли дальше от самого себя или плюнуть на все и сделать то, чего действительно хочется сейчас больше всего на свете. Создать свой мир...

Да гори все огнем – он сделает это!

10

...Выврать у начальства отпуск удалось с трудом. Оно, начальство, и без того зверем на Олега смотрело. Однако же, видимо, решило, что странное Олегово поведение последних дней вызвано утомленностью работника, и сочло возможным дать тому пару недель на восстановление затраченных душевных и физических сил.

Олег примчался с работы и принялся суетливо собираться. Однако он быстро одернул себя и попытался сосредоточиться с тем, чтобы не забыть чего-либо важного.

Первым поверх сумки был положен ноутбук с клубком проводов, намотанных на блок питания. Это главное.

Шмоток решено было взять самый минимум. Документы,

кредитка и скромная, перехваченная резинкой пачка денег венчали багаж.

Особых затрат там не предвидится. Главное, чтобы хватало на кофе и коньяк в баре.

Дочка у экс-супруги. Все. Главные долги розданы, а прочие подождут до его возвращения.

О спецслужбах и вьетнамской мафии Олег старался не думать.

Он уже присел «на дорожку», посидел, блаженно улыбаясь, встал и потащил сумку к двери, когда зазвонил телефон. Олег замер на пороге. Телефон продолжал трещать.

«К черту!» – выдохнул Олег и закрыл за собой дверь.

11

Еще в самолете Олега осенила забавная идея.

Здравый смысл работал со скрипом, а потому Олег не стал тратить времени на размышления, а сразу приступил к делу, благо, для этого ему требовалось просто включить ноутбук.

Он судорожно сглотнул и посмотрел в иллюминатор. Легкий холодок пробежал между лопатками, когда он вспомнил кондиционер, грохнувшийся всего-то с пятого этажа. Теперь под креслом километров восемь. А его, Олегово, слово, как показала практика, топором и впрямь не вырубешь. Видимо, автор поговорки когда-то побывал в схожей ситуации...

Самолет, расправив крылья, парил на юга. Там Олег пла-

нировал отсидеться пару недель, привести в порядок мысли и излить накопившееся на бумагу, да так, чтобы тошно стало да никогда после не тянуло... Еще Олег надеялся на то, что валяние на пляже, шашлыки с вином и возможный флирт с курортницами выветрят все эти бредовые мысли из больной головы.

Пока грузилась операционка, Олег подозвал стюардессу и попросил пива. Мозги требовалось расслабить. Полная соседка справа недовольно заерзала на сиденье: ее все раздражало – и гул двигателей, и стюардесса, и ноутбук на откидном столике, да и сам Олег. Впрочем, Олегу было плевать на раздражительную.

Попивая пиво, пальцами свободной руки Олег принялся выводить:

«Три дня в „Лазурном“. Киноповесть».

Олег хохотнул, отчего пиво в банке неприлично булькнуло. Соседка сердито засопела.

«Главный герой Олег – жертва обстоятельств, случайный человек на этом празднике жизни. Ему бы отдохнуть, но, как обычно, на отдых он попадает в расстроенных чувствах.

Федор Михайлович...»

Олег снова булькнул пивом. Он развлекался.

«Федор Михайлович – мыслитель, человек, тонко чувствующий жизнь. Он помогает главному герою разобраться в своих чувствах и переживаниях.

Лена – прекрасная незнакомка, с которой у Олега возникает приятный мимолетный роман...»

Олег прихлебывал пиво и любовался создаваемой им картиной. Создавал он ее от души. Приятно было бы так провести отпуск... Пожалуй, не будем перегружать свой отпуск лишними персонажами. Можно, конечно, добавить немного интриги...

«Неизвестный, тот, что неожиданно придет на помощь в самой критической ситуации...»

Постукивая по клавишам, Олег улыбался сам себе.

«Это ж надо придумать – киноповесть! Славы тебе, что ли, захотелось, дорогой друг? А почему бы и нет? Почему бы не издать что-нибудь из написанного шутки ради, да еще и кино забабахать? Ведь не боги, в конце-то концов, горшки обжигают!...»

Мысли были приятные, особенно под пиво. Поэтому полет впервые проходил для Олега без обычной нервотрепки. Олег печатал и улыбался.

А пятью рядами кресел позади сидели двое «по-курортному» разодетых молодых людей. Один флегматично играл в «тетрис», второй придирчиво осматривал небольшую видеокамеру с непропорционально выпяченным объективом.

– Слушай, Николя, ты зачем взял с собой этот агрегат? Запаришься таскать его за собой, да еще и в камуфляже... Взял бы маленькую «соньку», она ж в кулаке помещается...

– Ничего ты не понимаешь в искусстве, Санчес. Я же профессионал. Для меня каждая запись – кино.

– Да ну, брось! – хмыкнул Санчес. – Какое там кино – главное, чтобы было информативно и доказательно.

– Скучный ты человек, – вздохнул Николя. – То, что я сдам шефу, – то будет информативно, доказательно и протокольно. А вот то, что останется у меня, – это будет кино! Ты видел, как я смонтировал бунт в тюрьме? Ну, тот самый! Конфетка! «Прирожденные убийцы» отдыхают!

– Если кто-то узнает, что ты хранишь дома эти записи...

– Кто надо – и так знает, не беспокойся... Между нами – это такой свой маленький бизнес... О, посмотри, клиент чего-то сам себе хохочет... А, тебе не видно отсюда... Чистый псих... Я думаю, мой новый фильм будет про маньяка... Как ты считаешь?

12

Олег не был большим любителем курортного отдыха. Ехать на море он вообще предпочел бы «дикарем» – поваляться на травке, попать костер, переночевать в палатке. Рафинированный отдых в «номерах» вызывал у него какие-то подсознательные и болезненные ассоциации с больницей и безысходностью пионерского лагеря. Хотя бассейн и сауна приятно снимали часть этих ощущений. Впрочем, и цели у него здесь другие...

Номер был без особых изысков, но и не из дешевых. Черт его знает, зачем Олег решил приехать именно в «Лазурный». Видимо, надо отдать должное умению убеждать и обаянию сотрудницы турагентства.

Олег побродил по номеру, затем принялся доставать из сумки необходимые вещи. Ноутбук грузился, пока Олег развешивал по вешалкам и рассовывал по ящикам вещи.

Он подсел к столику, коснулся пальцами клавиатуры. Задумался. Вытер со лба испарину: в комнате было душновато. Затем встал, подошел к окну и приоткрыл дверь на лоджию. В комнату ворвался свежий ветер, по глазам резанул солнечный луч.

Ладно, прогулки потом, а сейчас немного попечатаем...

Итак, сюжет... Сюжет – проклятие писателя. Маленькая логическая цепочка, кость, которая либо даст жизнь всему мясу, которое нарастет на этот хрупкий скелет, либо превратит нагромождение образов в безобразное и скучное папье-маше...

Поскольку Олег великим писателем себя не мнил, то не сильно переживал по поводу сюжета. Главное, чтобы буквы на дисплее сплетались во что-то новое, органичное, обладающее собственной жизнью, своим собственным смыслом и неизвестными даже автору целями...

Олег призадумался. Сумбурные графоманские упражнения продолжать не хотелось. Хотелось написать что-то но-

вое, интересное, вырванное из наскучившей реальности. Как это в свое время сделал Флеминг со своим Джеймсом Бондом. Но сейчас другие времена. Они не для героев-одиночек...

Они для друзей! Да, он напишет про друзей... Про четырех друзей!

Идея написать про четырех друзей ему очень понравилась (почему про четырех? Не понятно...). Пусть это будет немного фантастический сюжет. Про нашу жизнь, но не такую, как мы видим, а такую, какую от нас прячут те, кому это по силам...

Отлично! Что мы будем делать с героем? А пусть он для начала, на миг вырвавшийся из лап беспощадного мегаполиса, побродит по мелкой гальке, покидает в воду камешки, посидит, наконец, в задумчивости у кромки прибоя, чтобы тихие волны касались его ног, а из головы выветривались накопившиеся яды ненужных мыслей и впечатлений...

Конечно, долго в одиночестве он сидеть не будет, на горизонте покажется прекрасная незнакомка и...

Чушь, банальность и скука! Писать о таком не хочется совершенно. Хотя пока нет настоящих идей, пусть герой поразвлекается немного...

В этот день Олег действительно развлекся от души. Выходя из номера, он едва не споткнулся о нагромождение сумок и пакетов, вокруг которых беспомощно суежилась довольно миловидная дамочка. Оказалась, что живет она в соседнем

номере, вышла прогуляться за покупками, но потеряла ключ и теперь не знает, что делать... Олег не мог не воспользоваться случаем помочь девушке, которую, как оказалось, звали Катя...

Повод для знакомства оказался достаточным для того, чтобы пойти вместе на пляж и неплохо провести день. Олега несколько удивило то, что девушка, живущая в соседнем с ним номере, оказалась так удачно свободной (муж работает где-то на Севере), да еще и не ломалась сильно, выслушивая сбивчивые предложения Олега. На месте мужа он бы такую аппетитную женушку одну на юг бы не отправлял... Впрочем, ситуация вполне укладывалась в рамки сюжета Олевой «киноповести», и он не слишком напрягался.

Они легко нашли общий язык, наплавались до посинения, погоняли на водном скутере, даже лихо перевернули его, что вызвало восторг и хохот Кати и легкий ужас Олега, когда тот расплачивался за это удовольствие.

День плавно перешел в вечер и ужин при свечах, ход которого обещал много интересного ночью. Однако Олег за чем-то одернул себя, и постелью на этот раз вечер не закончился. Хотя туманящий рассудок поцелуй все же имел место.

Вернувшись в свой номер, Олег постоял у окна с замершей на губах идиотской улыбкой. Затем дернул головой, будто стряхивая наваждение, и подсел к ноутбуку.

В описании прекрасной незнакомки удалил имя Лена и

указательным пальцем набрал: «Катя».

«Поработать» (как с претензией стал называть Олег свои упражнения с текстами) вечером, конечно, не удалось. Придавил здоровый курортный сон, и когда Олег открыл глаза, было уже светло.

Олег встал, вышел на лоджию и оперся на перила.

Классический набор: море за кипарисами, сквозь деревья пробивается восходящее солнце, еще не жарко и тело овеивает приятный бриз. И скоро будет роскошный завтрак со шведским столом, который к тому же входит в стоимость отдыха...

Красота! Олегу вдруг показалось, что все происшедшее с ним в городе – просто плод его же больного воображения, взбудораженного вчерашними похождениями и спиртными напитками. Во всяком случае, на сочинительство уже особо не тянуло. Хотелось пойти на пляж и просто поваляться с книжкой, даже без всякой там Кати...

Едва он подумал об этом, в дверь осторожно постучали.

«Ну вот, – подумал Олег, – помянешь волка...»

Это действительно была Катя. Она была в легкомысленных шортиках, сверхлегкой маечке, с какой-то изменившейся прической, своим видом вызывая в памяти пляжные сериалы... Она что-то говорила, смеялась, и Олег что-то говорил, пока в состоянии сладкой обреченности не был утащен завтракать.

Очнулся от этого наваждения он только ночью. Тихо гудел

кондиционер, за окном вдалеке играла бодрая музыка. Рядом, положив руку ему на грудь, посапывала Катя. Это была ее комната.

Казалось бы, вечер удался. Но теперь Олег вдруг внутренне напрягся, а легкомысленный туман со свистом вылетел из его головы. Он осторожно освободился от мягких Катиных объятий и сполз с кровати. Матерясь шепотом, он шарил руками по полу в поисках трусов...

Уже в своей комнате он начал приходить в себя.

Что за паранойя? Почему бы ему не расслабиться и не получить удовольствие, как рекомендуется в подобных случаях?

Что-то было не так. Олег давно заметил за собой не очень-то удобное по жизни качество: многое, что давалось так легко и приятно, вызывало у него настороженность и ощущение чего-то ненастоящего, какой-то искусственности. Все действительно приятное в жизни Олег получал с определенными усилиями или вследствие каких-либо потерь. Качество, конечно, препоганое. Так он наверняка упустил немало хороших возможностей как в карьере, так и в личных отношениях, но ничего поделать с собой так и не мог...

Каких усилий это ни стоило, но он заставил себя подняться ни свет ни заря и тихо ускользнуть из номера. С собой он захватил полотенце, с тем чтобы искупнуться для бодрости.

Море оказалось не таким уж холодным, чего не скажешь о воздухе. Попрыгав по пляжу и ободравшись скрученным по-

лотенцем, Олег сумел наконец избавиться от зябкой дрожи.

Побродив по берегу и отправив в воду не один килограмм прыгающих галек, он направился к корпусу. Упав на скамейку в тени экзотических зеленых насаждений, он стал наблюдать.

Приближалось время завтрака. Вчера в это примерно время Катя зашла к нему. Сегодняшняя ночь давала полные гарантии повторного визита. Вот его подружка подходит к двери, стучит, стучит снова и, пожав плечами, обиженно идет на завтрак в одиночестве.

Холл, в котором накрывался шведский стол, находился в соседнем корпусе, и, чтобы в него попасть, Кате надо было выйти через единственную стеклянную дверь. Чего Олег и ждал, сам еще не представляя зачем.

К удивлению Олега, Катя появилась на лоджии своего номера и, сев в шезлонг, закурила. Это, конечно, ничего не значит, но вчера на предложение Олега закурить она ответила отказом, сославшись на то, что не переносит сигаретного дыма.

Странно... Сам Олег обычно не курил, но любил поддерживать курящую компанию. То, что Катя не имела привычки курить, несомненно, было плюсом в глазах Олега... Впрочем, все эти измышления отдают паранойей, как и вся его жизнь в последнее время.

Катя разговаривала по мобильному телефону. Она была непривычно серьезна и этим совершенно на себя не похожа.

Закончив разговор, она потушила сигарету и исчезла в глубине своего номера, с тем чтобы через пару минут появиться на выходе из корпуса.

Пытаясь придать себе непринужденный вид, Олег пошел навстречу.

– Привет, милый, – лучезарно улыбнувшись, сказала Катя, едва Олег открыл рот, чтобы что-то из себя выдавить.

Олегу ничего не оставалось, как лучезарно улынуться в ответ и поцеловать Катю в теплые и жадные губы. Сигаретного запаха не чувствовалось. Но от приятной непринужденности вчерашнего дня не осталось и следа.

Что не помешало, однако, провести день не хуже, чем вчера. Ради проверки еще непонятно чего Олег предложил Кате сходить в дельфинарий, покататься на парашюте над морем, а после отправиться в парк экстремальных аттракционов.

И первое, и второе, и третье предложения были встречены с одинаковой улыбкой без тени сомнения и каприза. Можно, конечно, допустить, что Кате давно не хватало впечатлений, однако Олег сам чувствовал усталость от такого обилия активных удовольствий. Поэтому непрекращающиеся Катины восторги радости у него уже не вызывали.

Этим вечером он снова оказался в номере у Кати. Очевидно, здесь убрали днем, потому что признаков того, что здесь курили, он не заметил. Как и пачек сигарет и зажигалок, что обычно лежат на виду у курящих. Впрочем, все это, наверное, было полнейшим вздором...

...Пока Катя принимала душ, Олег совершил некрасивый поступок: он суетливо залез в ее сумочку и достал мобильник. Тот, к счастью, был включен и прост в навигации по меню.

Еще не зная, зачем ему это, Олег быстро нашел списки входящих и исходящих звонков. Каково же было его удивление, когда он увидел, что эти списки пусты! Он видел Катю практически весь день, за исключением неизбежных отлучений в туалет. Это могло означать только то, что Катя специально удалила списки сразу же после утреннего звонка (или звонков). Не менее странно было и то, что телефонная книга также оказалась пустой... Конечно, может, есть еще другой телефон...

Как-то не вязалось это с образом довольно общительной и легкомысленной барышни.

...Однако, выйдя из душа, Катя легко заставила Олега забыть все эти подозрения до утра...

13

Следующим вечером Олег наконец решился. Неотразимо и в то же время страдальчески, как ему показалось, улыбнувшись, он сообщил Кате, что сегодня у него разболелась голова и этот вечер, к своему крайнему сожалению, проведет, страдая в одиночестве. Катя изобразила на лице подобающую случаю мину, но сказать, что она расстроилась, было

бы слишком сильно.

Запершись в своем номере, Олег забрался с ногами на кровать и торопливо открыл ноутбук.

Он теперь, кажется, знал, о чем писать.

На первой странице он выбил только что придуманное и очень ему понравившееся слово:

МУЛЬТИЛЮДИ

Да, когда вокруг тебя творится безумие и ты не знаешь, куда бежать, куда деваться...

Есть только один способ остаться самим собой.

Создать собственный мир.

2. МУЛЬТИЛЮДИ

1

Граждане России!

Политическая обстановка вокруг нашей страны становится все более угрожающей. Вы все знаете, что при помощи мультитехнологий враждебные нам силы становятся многократно сильнее и эффективнее. Все развитые государства уже ввели обязательную структуризацию своих граждан. Наша страна подвергла структуризации армию и другие силовые ведомства.

Но этого недостаточно.

Только если каждый гражданин нашей страны поставит часть неиспользуемых им ресурсов своего интеллекта на службу государству и обществу – только в этом случае у России есть шанс выжить в современном, далеко не дружественном нам мире.

Возможно, это идет вразрез с традиционной моралью, с христианскими и иными религиозными ценностями.

Но вопрос стоит о нашем с вами выживании.

Россияне! Подключайтесь к Структуре!

Из совместного обращения Президента России и Патри-

Это как страшный сон: я представляю, что общаюсь с друзьями и близкими по проводам. Нам незачем больше говорить, смеяться, петь и смотреть друг другу в глаза. Просто войди в Структуру и обменяйся с ними эмоциями...

Хочешь доставить подруге непередаваемое наслаждение? Вставь штекер в гнездо у нее на затылке и представь, как это могло бы быть на самом деле... И она представит в ответ, как закричит от счастья... которое могло бы быть и в реальности... Но зачем?

Я понимаю, что все не так страшно в действительности. Что никаких штекеров вставлять никуда не придется – простой гражданин соединяется со Структурой посредством нейрочипа и банального GSM. Но ни я, ни сотни тысяч таких, как я, не могут переступить через собственную природу...

Структура несовершенна, так как ее составные части – люди с присущими им недостатками и слабостями. Только это помогало мне держаться так долго...

Но сегодня, видимо, пришел конец и моей свободе.

– Внимание! Здание супермаркета окружено! Просим посетителей пройти на выход для идентификации. Лицам, нарушившим закон о структуризации, предлагаем добровольно сдаться. В этом случае вы освобождаетесь от уголовной ответственности и проходите стандартную процедуру струк-

туризации. В случае сопротивления вы будете привлечены к ответственности согласно...

Спокойный, но властный голос лился из динамиков. Если сюда войдет мультиспецназ, мне конец. Вернее, конец моей привычной жизни...

...А ведь ничего не предвещало такого поворота. Сегодня с утра, после разгрузки вагонов, денег отвалили порядочно. Я и за комнату заплатить успел, и приделся на привокзальной «толкучке», и осталось еще на маленький единоличный банкет. Может, даже хватит на то, чтобы пригласить к себе кого из вокзальных «индивидуалов». Хм. М-да. «Индивидуалы» на вокзале, конечно, еще те, особенно «индивидуалки» (не в смысле – шлюхи, а те, что все еще живут вне Структуры). Но с другой стороны – они хотя бы биологически нормальные люди. Структурированные всегда смотрят на тебя если не свысока, то как-то... жалеючи, что ли? Ну их в баню...

Вот только «крыше» заплатить не успел. Ничего, думал, завтра еще одна разгрузка – я рассчитаюсь. Хорошо хоть есть кому прикрывать наши индивидуальные задницы... Говорят, у «братков» своя собственная Структура... Похоже на то. Иначе как их не вычислят по мультиканалам?

...Я обреченно наблюдал, как около десятка человек с корзинками для покупок разом повернули ко мне свои лица, равнодушно посмотрели на меня и, поставив корзинки на пол, дружно направились в сторону выхода. Мое тело сковал

ужас: Структура меня вычислила.

Я знал, что мне крышка. Все, чем я жил, все, что ценил и любил, – все будет растворено в общих мултимозгах...

...Знакомые, которые уже прошли процедуру, говорили, что все страхи напрасны, что это ерунда – совсем не больно, а главное – удобно и полезно для каждого в отдельности. Это повышает интеллект, это дает новые возможности... Но я всегда чувствовал, что это не так. Я знаю, что это не так... Откуда? Нет ответа. Но это моя жизнь, это мои мозги и моя судьба. Пусть я теряю многие возможности, но я не хочу становиться придатком противоестественной системы. Не хочу!

Здесь должен быть черный ход или пожарный выход... Бегом туда, к подсобкам... Стоп, там наверняка засада...

Я взглянул наверх. Под потолком сверкнула металлом решетка вентиляции. Это последний шанс.

Опрокидывая горы хрустящих пакетов, банок и бутылок, я полез по полкам вверх. Полки были скользкие и хрупкие. Я сорвался и растянулся на полу.

Вторая попытка оказалась более удачной. Огромных усилий стоило вырвать из стены решетку. На счастье, она была довольно слабо укреплена, но пальцы все равно стали скользкими от крови.

Скрючившись, я полз вперед по тесному жестяному тоннелю. Было темно, нарастал страх. К ужасу преследования добавилась боязнь замкнутого пространства. Но я заставлял

себя лезть дальше и дальше, пока хватало сил, и ужас придавал мне энергии...

Выбив боковую решетку, я вывалился на что-то вроде шкафа в каком-то темном помещении без окон. Спрыгнув вниз, я завыл от боли: в темноте наткнулся на острый угол какого-то массивного предмета, наверное, стола. Я отполз к стене и, прислонившись к ней, тихо застонал от боли, страха и ощущения безнадежности. Но тут же взял себя в руки, сделал несколько глубоких вдохов и попытался успокоиться.

– Ну и на что вы надеетесь? – раздался над самым ухом тихий женский голос, и лицо ощутило движение воздуха.

Я вскочил и заметался по комнате, наталкиваясь на мебель в поисках двери. Глаза уже привыкли к темноте, и я увидел подсвеченный снаружи слабый силуэт дверного проема.

– Отсюда бежать некуда, – сказал тот же голос.

Я нашарил в кармане зажигалку и крутанул колесико. Передо мной возникло лицо девушки. Красивой. Темноволосой. Она была в униформе продавщицы супермаркета. И почему-то она пряталась здесь.

– Кто ты? – спросил я. Огонь зажигалки обжег мне пальцы, и свет погас.

– Такая же, как ты сам, – ответил голос откуда-то сверху. Несомненно, неизвестная покидала помещение тем способом, каким я пришел сюда.

Я пытался разобраться с замком. Нашупал ручку, повер-

нул. И в тот же момент ручка вырвалась из рук, а в глаза хлынули потоки такого яркого света, что я моментально ослеп.

— Руки за голову! На колени! — рыкнули на меня, но я уже был поставлен на колени, а мои руки — заломлены за голову и соединены наручниками.

Меня не били. Меня взяли под руки и повели к выходу. Посадили в микроавтобус.

Я ехал и смотрел на спецназовцев. Они были спокойны и доброжелательны: они с первых секунд поняли, что я не опасен. Не будь они подключены к Структуре — они били бы меня тяжелыми ботинками, орали бы на меня, чтобы произвести максимальный психологический шок. Но Структура быстро разобралась, в чем дело. Структура — это эффективный инструмент, и она дала команду не тратить на меня лишнюю энергию своих обученных и натренированных элементов...

Вот и все. А может, это не так уж и страшно? Передо мной пример гуманности Структуры. Ведь все давно уже ТАМ. Остался только я один... Да еще та, что ушла через вентиляцию...

— Вам нужно сделать укол, — сказал один из спецов, — для снятия стресса. Это не больно.

Он улыбнулся. Достал из сумки шприц, надломил ампулу и профессионально вколол мне что-то в нижнюю часть спины. Действительно, стало легче.

Это было мило. Слишком мило.

Неправильно.

* * *

Допрос нельзя было назвать допросом в полном смысле этого слова. Меня привели в кабинет, который больше всего напоминал комнату отдыха. Передо мной стояла чашка с горячим чаем, на подносыке лежали шоколад и печенье.

Только портрет президента над рабочим столом выдавал казенный характер кабинета.

Следователь, как я назвал его про себя вначале, тоже оказался весьма любезным.

Я сразу понял, что к чему. Тактика «злого» и «доброго» следователя. Сначала «добрый» поит меня чаем с вареньем, потом «злой» бьет меня сапогами, потом «добрый» спокойно вытягивает из меня информацию...

Но к чему все это? Мое преступление доказано, а больше я ничего не знаю. Я безобиден до отвращения...

Следователь улыбнулся и заговорил:

– Уважаемый Сергей... Ничего, если я не буду называть вас гражданином Галичем? Мы говорим с вами без протокола, протоколы написать всегда успеем... Очень жаль, что нам пришлось совершить в отношении вас такие неприятные действия...

Я постепенно расслаблялся, хотя прекрасно понимал, так мягко и доброжелательно общаться со мной следователю со-

ветует Структура. Я не верю в искренность этих... людей.

– Вы, наверное, думаете, все, что я говорю, – говорю от имени и под воздействием Структуры? Не отпирайтесь. Многие так называемые «индивидуалы» именно так и считают. Они думают, что Структура – это нечто вроде управляющего всем сверхразума...

Следователь хохотнул. Я промолчал.

– Что ж, не буду отрицать, я могу пользоваться рекомендациями Структуры, которая в некотором смысле действительно является коллективным разумом нашей организации. Я имею в виду МВД. Но в действительности я – личность, такая же, как вы и как все окружающие нас люди, и обладаю полной свободой воли.

Я молчал.

– Вот вы так не любите нас... Скажите, если бы не было Структуры, разве ваше задержание прошло бы так гладко? Разве вы сидели бы здесь, а не в каких-нибудь застенках, в совершенно неприятной компании? Разве я пытался бы разговаривать с вами, как с человеком, а не как с преступником априори? Вы, наверное, думаете: «Зачем он все это говорит? Ведь факт моего преступления доказан, и меня надо судить». Так вы думаете?

– ...

– Так вот, пятилетнее повсеместное внедрение Структуры все-таки дает свои плоды. И гуманность судопроизводства тому пример. Ведь у вас по-прежнему есть выбор: либо

подключиться к соответствующей Структуре, либо не подключаться. В последнем случае вас, конечно, не расстреляют, а просто сошлют по приговору суда в отдаленное поселение, где у вас по-прежнему будет шанс подать ходатайство о приобщении к основной массе граждан. Вы ведь понимаете, что это – ваш гражданский долг? Что закон о структуризации принят неспроста – это вынужденная мера как ответ на структуризацию всех без исключения ведущих мировых держав? Вы же бывший военный, вы должны понимать, что без структуризации наша страна моментально отстанет от остальных на сотни лет развития? Вы же видите, какой прогресс происходит вокруг прямо на глазах? К сожалению, вы этого так и не поймете, если не вольетесь в Структуру. – Следовательно горько вздохнул.

– А лекция, которую вы мне читаете, – она тоже часть прогресса в уголовном судопроизводстве?

– Ну конечно, – обрадовался следователь. – Вот вы и поняли! Гуманизм – важнейший приоритет структуризации...

– У меня другое мнение, – отрешенно произнес я.

– Никто и никогда не станет покушаться на ваше мнение, – торжественно заявил следователь. – При структуризации ценности демократического общества выходят на первый план. В Структуре практически невозможны обман, подлог и нарушение прав и свобод граждан.

– Практически? – усмехнулся я.

– Ничто не идеально в нашем мире, – туманно отозвался

следователь и немного скис, задумавшись. Очевидно, в этот момент он о чем-то советовался со Структурой МВД.

Постепенно приходя в себя, я уже убедился в проигрыше и теперь старался увериться в положительных моментах присоединения к Структуре. Жизнь в отдаленных поселениях я даже не рассматривал. И без того я давно уже мог исчезнуть из города и поселиться в какой-нибудь забытой Структурой деревушке, благо, таких в нашей стране полным-полно.

Но я не смогу так жить.

– Итак, – более прохладно произнес следователь, – я высказал вам все, что должен был сказать, и теперь очередь за вами. Ваш выбор: добровольное присоединение к общегражданской Структуре, пока вы не определитесь с профессиональным статусом, суд или...

– Или?..

– Хм... Есть третья возможность. Как раз для вашего случая. Если вы так держитесь за мифическую чистоту своего мозга, возможности которого никогда так и не используете, – бог с вами. Можно устроить так, что для вас будет сделано исключение...

– Неужели закон это допускает?

– Закон допускает это только для душевнобольных, влияние которых на Структуру пока не изучено.

– Вы хотите записать меня в психи?

– Нет... Погодите минутку, сейчас я обращусь к Структуре, которая уполномочена обсуждать эту тему.

Лицо следователя словно задеревенело. В его мозгу, подключенном к системе, состоящей из тысяч других человеческих мозгов, происходили непонятные для меня процессы.

Я вновь ощутил страх перед необходимостью стать одним из Них. Этот страх был у меня сильнее даже страха одиночества. Наверное, это не просто жажда независимости. Это какая-то фобия, болезнь. Ведь более девяноста процентов населения страны уже в Структуре и чувствуют себя прекрасно... Никогда не поверю, что человек в Структуре в полной мере обладает свободой воли. Вряд ли, конечно, кто-то может достоверно читать мысли отдельных ее элементов, как считают некоторые. Но то, что говорят про управление людьми, похоже на правду...

– Э-э-э... Секунду... Сейчас изучается ваше досье... Ага... Понятно.

Лицо следователя обрело осмысленное выражение, в котором, впрочем, не осталось места легкомысленному благодушию.

– Итак, Сергей, есть предложение, которое позволит вам сохранить статус кво и при этом послужить на благо общества.

– Я весь внимание.

– Вот и замечательно. Вам известно, что наше общество состоит из нескольких отдельных Структур, созданных по профессиональному и функциональному принципам?

– Конечно, я это знаю. Я едва избежал присоединения к

Структуре Вооруженных сил.

– М-да... Иными словами – дезертировали... Впрочем, не важно. То, что я вам скажу сейчас, является государственной тайной. Помимо официальных Структур, существуют также и незаконно созданные независимые Структуры...

Я хмыкнул. Тоже мне новости! Все прекрасно знают о том, что мафия одной из первых запустила Структуру, а возможно, и не одну. И уж сделала она это пораньше, чем МВД.

– Зря хмыкаете. Официально это, конечно, не признается, кухонные разговоры на эту тему тоже не преследуются, но проблема существует... Однако это проблема другого плана. У нас же с вами задача иная...

Следователь вновь прислушался к «внутреннему голосу» и продолжил:

– В общем, так. У нас есть сведения, что одна из нелегальных Структур готовится к государственному перевороту.

– Вы со всеми подследственными так откровенничаете?

– Отнюдь. Будем просто считать, что вы подходите нам больше других.

– Да ну? И чем могу помочь я – жалкий одиночка?

– Ирония тут неуместна. В одиночку вы действительно ничего не стоите против Структуры. Но у вас как «индивидуала» есть одна особенность, которая, к сожалению, уже недоступна нашим кадровым сотрудникам... Кстати, с этого момента вы отвечаете головой за разглашение информации, которой я с вами буду делиться! Здесь гуманность Структу-

ры имеет определенный предел...

– Да ладно, чего уж там. – Я начинал почти откровенно веселиться. Может, это была просто истерика, а может, последствия действия «успокаивающего», вколотого мне спецназовцем.

– Так вот. Нам необходим человек для внедрения последовательно в разные Структуры...

– Но как...

– В том-то и дело, что это будет происходить без прямого подсоединения к мозгу, как у всех нас, а через посредничество спецаппаратуры. Дело в том, что даже недельное нахождение в той или иной Структуре накладывает на некоторые свойства мозга совершенно характерные отпечатки. Поэтому, внедрившись в иную Структуру, наш сотрудник рискует быть немедленно вычисленным. А это означает моментальный провал операции. Необходим человек с независимым мозгом.

– Вот видите... – с сарказмом начал было я, но следователь недовольно поморщился и прервал меня:

– Это издержки начала структуризации. Ученые с ними справятся. Но у нас нет времени. Только не думайте, что вы настолько уникальный, что сможете диктовать нам условия. Таких, как вы, достаточно. Вашими преимуществами являются хорошие физические данные и служба в армии. А вот психика у вас расшатана, что не может не вызывать некоторых сомнений. Но, я думаю, это дело поправимое. Так вы

согласны?

Я подумал немного. Затем вспомнил застывшее в страшной гримасе лицо следователя... И решился:

– Хорошо. Я готов попробовать...

2

– Сергей Галич? Здравствуйте. И до свидания. С этого момента вы – агент Эгоист.

– Что?!

– Вам не нравится псевдоним? Вы будете работать совместно с агентами Тварь, Свин и Либи́до.

– За что вы нас так?..

– Чтобы не забывали, кто вы есть в новом российском обществе. Все, тему закрыли. Приступаем к практическим занятиям. Меня называть – Мастер. Вопросы?

– У вас, мастеров, отдельная Структура?

– Вопрос бестактен. Что и неудивительно слышать от агента с псевдонимом Эгоист. Запомни правило номер один: никогда и никого не спрашивай, в какой он Структуре. Это табу. Понятно?

– Да.

– Ни черта тебе не понятно – ты никогда сам в Структуре не был. Впрочем, сегодня будет тренажер.

– Как в «Матрице»?

– Ха-ха-ха!.. М-да... Почему все задают этот вопрос? Ес-

ли тебе приятнее считать, что это так, – лучше сразу расстанься со своими иллюзиями. Все гораздо проще. Но вопросы и пояснения – после.

Мастер был коренаст, движения его были нарочито замедленны, за чем угадывались уверенность, ловкость и недюжинная сила. Взгляд его был колок и надменен. Он демонстративно не уважал меня, но выказывал решимость сделать из меня профессионала, насколько это возможно из человека, не прошедшего структуризацию.

...Ощущение было очень странное. Нельзя сказать, что я попал в виртуальный мир в общепринятом смысле этого слова.

И нельзя сказать, что я почувствовал реальное единение с сотнями тысяч людей, подключенных к Структуре.

Я просто ощутил себя многократно увереннее, спокойнее. А главное – несравнимо умнее.

Тренажер представлял собой обыкновенный шлем вроде мотоциклетного, но с мощным оптоволоконным кабелем, торчавшим из затылка и подвешенным к хитрому подвижному кронштейну. Со шлемом на голове полагалось ходить по комнате, выполнять физические упражнения и проходить психологические тесты. Мебели в комнате не было, так что все это приходилось делать стоя или сидя на полу с резиновым покрытием.

На мой удивленный вопрос, почему тренажер столь громоздкий по сравнению с обычным мозговым чипом, Мастер

усмехнулся и повел меня в ангар, где находилось оборудование для внедрения независимого индивида в Структуру.

М-да... Однако... Оборудование размещалось на трех автобусах вроде междугородних. Помимо аппаратуры, в них должны были находиться около ста пятидесяти человек «разгонщиков», чьи мозги также работали на внедрение агента. В этом случае для подключения к Структуре достаточно было взять в рот металлическую таблетку усилителя.

Слегка обалдевший, я продолжил обучение.

Через неделю меня научили пользоваться различными опциями Структуры.

Я научился находить нужных людей и выходить на прямую связь с ними, научился объединять усилия мысли с несколькими конкретными людьми для проведения прямого мозгового штурма с целью решения той или иной интеллектуальной задачи. Научился подключаться к банальному Интернету, вызывать в мозгу голографические картинки, виртуальные дисплеи и экраны теленовостей (все-таки это делалось только по необходимости – мультилюди, то есть люди, подключенные к Структуре, продолжали пользоваться обычными телевизорами и компьютерами – но теперь не в пример куда более эффективно).

Разумеется, я так и не стал частью мультичеловечества. Для этого необходимо вживление под кожу головы специального «вечного» процессора с заменяемым блоком сотовой связи. А главное – необходимо время для подлинного слия-

ния с другими членами твоей Структуры. Именно тогда ты начинаешь эффективно исполнять свой гражданский долг – предоставлять часть своего мозга для решения общих задач, как некогда это пытались сделать, объединяя через Интернет частные компьютеры.

Однако человеческий мозг – инструмент не только более совершенный, чем компьютер. Объединение мозгов позволило объединить ТВОРЧЕСКИЕ усилия. Именно поэтому технический прогресс теперь ускорялся в несколько раз.

Что, впрочем, меня не особо радовало. Я-то всегда был уверен, что темпы технического прогресса – не оправдание для такого вмешательства в природу человека. Во всяком случае – в мою собственную.

Еще задавал себе вопрос: а как при всеобщей структуризации удалось преодолеть сопротивление религии? Ведь не я один противился новой системе общественного устройства.

Это оставалось непонятным, но лежало уже вне рамок поставленного задания.

Я присоединялся к Структуре на время не более трех часов в сутки. Этого требовали особенности мозга, который в интересах операции не должен был носить следы пребывания в конкретной Структуре.

Страх перед вживлением в мозг посторонних предметов и приобщением к сверхразуму постепенно притупился. Меня увлекла конкретная задача.

– Агент Эгоист, – слегка скривившись, сказал Мастер оче-

редным утром, когда я, шатаюсь, приплелся из барака. Вчерашняя тренировка вымотала меня совершенно: отвык я от таких физических нагрузок, эта подготовка давалась мне с трудом. – Агент, ваш вид говорит о том, что вы чем-то недовольны?

– Нет, Мастер, все нормально...

– А мне кажется, вы слишком расслабились и забыли, где находитесь и что вам предстоит выполнять...

«Чего это он завелся?» – тоскливо подумал я, рассматривая новенькие кроссовки Мастера. Мастеру было явно жаль своего драгоценного времени, потраченного на дилетанта. Но Структура упрямо шептала ему на ухо о том, что я представляю ценную человеческую единицу и его, Мастера, работа не напрасна.

– Ладно, – махнул рукой Мастер, – все равно ты не один такой...

Я вздрогнул. Мастер улыбнулся. Он знал, как произвести впечатление. Он знал все мои ожидаемые реакции. Я как на ладони: примитивный единичный индивидуум. За Мастером же – коллективное сознание миллионов.

– Сегодня ты познакомишься с командой.

...В спортзале на матах сидели трое в спортивных костюмах: двое парней и девушка. Меня поприветствовали сдержанными улыбками. Я также сдержанно улыбнулся и сел рядом. Так поступил и Мастер.

Девушка сразу показалась знакомой. Отбросив заведомо

неподходящие варианты, я узнал ее.

– Ты тоже не смогла уйти из супермаркета? – спросил я.

– Разговоры! – прикрикнул Мастер. – Все, что тебе надо о ней знать, – это то, что она агент Тварь. Понял, агент Эгоист? Это соответственно агенты Свин и Либи́до.

Парни оскалились в усмешке. Один, плотный, и впрямь походил на огромного поросенка. Почему второго, долговязого и патлатого, называли Либи́до – так и осталось загадкой.

– Слушай главное правило в общении с агентами своей команды: никаких разговоров по поводу личности друг друга. Все, что вы знаете друг о друге, – это псевдонимы...

– Кликухи, – вставил Свин.

– Погоняла, – добавил Либи́до.

– Правильно, – согласился Мастер. – В этом состоит часть успеха операции на случай, если кого-то из вас расколют.

– А велика вероятность? – спросил Свин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.